

Межрегиональные
исследования
в общественных науках

Балтийский
Межрегиональный
Институт
Общественных
Наук

Министерство
образования
Российской
Федерации

Калининградский
Государственный
факультет

Исторический
факультет

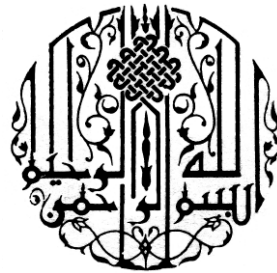
Кафедра
мировой
истории и
международных
отношений

Данное издание осуществлено в рамках программы “Межрегиональные исследования в общественных науках”, реализуемой совместно Министерством образования РФ, АНО “ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)” и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института “Открытое общество” (Фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Фарид Асадуллин

Ислам в Москве

Москва • Логос • 2006

ББК 86.38

Ф 24

*Печатается по решению Совета научных кураторов
программы «Межрегиональные исследования
в общественных науках»*

Фарид Асадуллин

Ф24 Ислам в Москве. — М.: Логос, 2006. — 128 с.

ISBN 5-98704-195-3

Представлена широкая панорама жизни мусульман в Москве, охватывающая значительный временной пласт — с момента основания города до начала XXI в. Впервые введены в научный оборот оригинальные оценки известных исторических событий и фактов, интерпретирующие с принципиально новых позиций роль и значение исламского фактора в жизни столицы огромного многонационального государства. Особое внимание уделено анализу современного состояния ислама и основным тенденциям его развития в условиях мегаполиса, раскрывается его значительный миротворческий и созидательный потенциал в жизни московского социума и углубления межрелигиозного диалога и сотрудничества. Книга формирует новый образ Москвы, величие которой веками создавалось и создается живущими в ней людьми, в том числе и представителями мусульманских народов.

Для ученых и специалистов в области истории, культурологии, религиоведения, политологии, других социально-гуманитарных наук. Представляет интерес для широкого круга читателей.

ББК 86.38

Книга распространяется бесплатно

ISBN 5-98704-195-3

© Фарид Асадуллин, 2006
© АНО «ИНО-Центр»
(Информация. Наука.
Образование), 2006
© Логос, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие <i>Все о российском исламе и мусульманах (А.В Малашенко).....</i>	7
Введение	10
Глава 1 <i>«Татарская Московия»</i>	15
Глава 2 <i>Москва XVI–XVIII вв.</i>	25
Глава 3 <i>Ex Oriente lux</i>	39
Глава 4 <i>Советская власть и судьба ислама ...</i>	53
Глава 5 <i>Ислам в контексте советской действительности: 40–80-е годы.....</i>	60
Глава 6 <i>Исламский бум в Москве.....</i>	66
Глава 7 <i>Религиозная и общественная деятельность Московского муфтията.....</i>	75
Глава 8 <i>Главный мусульманский город России</i>	97
Библиография.....	119
Об авторе.....	123

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВСЕ О РОССИЙСКОМ ИСЛАМЕ И МУСУЛЬМАНАХ

Этой небольшой книжкой, уважаемые читатели, мы открываем серию публикаций под общим названием «Ислам в России», в которой предлагаем вам описание положения дел в исламе и мусульманской общине во всех регионах России. Это будет своего рода краткая энциклопедия российского ислама, потребность в которой давно назрела.

За последние годы в нашей стране вышло немало книг, посвященных российскому исламу. Но подавляющее большинство из них носит сугубо научный, я бы даже сказал, узкопрофессиональный характер, посвящено конкретным проблемам. Их читатель попадает в положение слепца из «Притчи о трех незрячих», которые пытались понять, как выглядит слон, ощупывая по отдельности его хобот, ноги, уши, и в итоге так и не смогли составить о нем единственно правильного мнения.

Даже профессиональные исламоведы, анализируя положение дел в своем регионе, порой не знают, что происходит за пределами их региона, как выглядят их мусульманские соседи. Что тогда говорить о политологах, историках, социологах, занимающихся общими вопросами и нередко путающихся в региональных и этнических «частностях» российского мусульманства. (Точное число мусульман в России назвать трудно, поскольку кон-

Предисловие. *Все о российском исламе ...*

фессиональной статистики не существует. Но, думаю, не ошибусь, если назову 20 млн человек, включая мусульман-мигрантов.)

Наконец, интерес к исламу у нас, и не только у нас, растет, как говорится, не по дням, а по часам. Увы, он вызван такими печальными вещами, как рост религиозного экстремизма, этноконфессиональные конфликты, усиление ксенофобии. На этом фоне знание ислама, образа жизни мусульман, российской мусульманской специфики представляется особенно важным. Безусловно, это поможет разобраться в нынешней непростой российской ситуации, да и просто лучше понять друг друга.

Очевидно, что серия «Ислам в России» будет полезна и для тех, кто за рубежом пытается разобраться в том, что происходит в российском исламе, избавиться от ошибок и наивности, присущей многим научным и журналистским текстам.

Все серийные публикации будут выстроены по единой схеме: краткий исторический очерк, нынешнее положение дел, деятельность религиозных организаций и т.д. Хотя очевидно, что выдержать такой общий план непросто, поскольку у каждого автора есть свое видение, свой собственный план, как лучше выстроить текст. Так что, возможно, в чем-то мне, как редактору, придется идти на компромисс. Тем более что в серии участвуют наиболее авторитетные российские ученые. К тому же некоторые из них изначально были вовлечены в процесс начавшегося в конце 1980-х годов исламского ренессанса и изучили жизнь мусульманских общин изнутри.

Вот и автор первой книги о мусульманской Москве, известный ученый Фарид Асадуллин, работая в Московском муфтияте со дня его основания и сочетая научную деятельность с задачами широкого просвещения россиян,

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

является одним из ярких представителей современной исламской мысли России.

Итак, уважаемые читатели, вы открываете первую страницу первой книги серии, которая в случае успеха будет продолжена примерно двумя десятками изданий. Мы надеемся на ваше внимание и благосклонность.

А.В. МАЛАШЕНКО, доктор исторических наук, редактор серии «Ислам в России», содиректор программы «Религия, общество, безопасность» Московского центра Карнеги, профессор Московского государственного института (университета) международных отношений МИД России

ВВЕДЕНИЕ

Знакомство Древней Руси с исламской цивилизацией и начало ее укоренения, в том числе на московской земле, уходят в раннее Средневековье. Этому способствовали, с одной стороны, развитие международных торговых связей с арабо-мусульманским миром, ядром которого в VIII в. был Багдадский халифат, а с другой — знаменитый путь «из варяг в греки», который проходил через территорию древнерусского государства и связывал Скандинавию с Византией. «Историческая прописка» народов, этнически и духовно связанных с исламом, которых русская летописная традиция именовала, по разным источникам, «бессерманы» (искаженное «мусульмане» — ими могли быть болгары, персы или хорезмийцы), «измаильтяне» — по имени Исмаила — прародителя арабов или «сарацины» (от греческого названия арабов), приблизительно датируется в известных хронологических границах образования Древнерусского государства и тех селений и городских станов, которые со временем вошли в границы самой Москвы и Московского княжества. Археологические находки на территории Москвы и вокруг нее, например в среднем течении Москвы-реки, в виде кладов арабских дирхемов, относящиеся к VIII–IX вв., являются наглядным подтверждением этой гипотезы. Всего в Москве и Подмосковье зарегистрировано 15 кладов арабских серебряных дирхемов. Это по времени совпадает с эпохой активного распространения ислама и станов-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

ления Арабского халифата все в более новых, расширяющихся границах, включая его северные окраины – Дербент, Хорезм и Тавриду. Особый научный интерес представляют серебряные монеты с изображением византийских императоров и сасанидских царей, в которых также присутствовало имя халифа или его наместника, а также какое-нибудь известное кораническое изречение вроде «басмалы» – «во имя Аллаха ...». В 1837–1838 гг. при рытье котлована под здание храма Христа Спасителя на глубине 5 м были найдены отчеканенная в Мерве в 862 г. тахиридская монета с упоминанием имени халифа аль-Мустайна и аббасидский дирхем, датированный 866 г. [21, с. 33]. Аналогичные находки материального характера (металлическая посуда, образцы оружия и др.), арабо-мусульманская атрибуция которых не вызывает сомнения, были обнаружены в слоях IX–X вв. и в других уголках Москвы, на границе Московской и Тульской областей, а также в Ярославском Поволжье. Более того, в запасниках Государственного исторического музея Москвы и в Государственном Эрмитаже находятся попавшие в Россию разными путями уникальные монеты, например омейядского периода, чеканенные в 104 г. х. – 722–723 гг. н. э. в г. Васите (современный Ирак) халифом Йазидом II, или аббасидские дирхемы багдадской чеканки при халифе ал-Мансуре 149 г. х. – 766–767 гг. н. э. и при халифе Харуне ар-Рашиде 184 г. х. – 800 г. н. э. [13, с. 45]. Можно с большой долей уверенности утверждать, что именно арабские серебряные дирхемы, являвшиеся в то время своего рода твердой валютой в международной торговой практике, послужили основой складывавшегося русского денежного обращения.

К моменту первого зафиксированного в летописи упоминания Москвы в границах

Средней Волги и Камы уже сформировался, по выражению академика В.В. Бартольда, «самый северный форпост исламской цивилизации» – Волжская Булгария – первое на территории современной России государственное образование с официально обозначенной конфессионально-культурной традицией. Официально это произошло в 922 г., за 66 лет до крещения Киевской Руси и принятия великим князем Владимиром и его дружиной христианства византийского образца.

Первое упоминание Москвы согласно Ипатьевской летописи относится к 1147 г., когда она была небольшим укреплением в юго-западной части Владимиро-Суздальского княжества и входила во владения боярина Кучки – знаменитое Кучково (Кучковы села). Кучковы села располагались: одно – на месте будущего Кремля, другое – на месте памятника первопечатнику и третье – в районе современной Сретенки, близ Сухаревской площади. Этот район между нынешним началом Никольской улицы и окончанием Сретенки, спускающейся к улице Неглинной, долгое время имел название Кучкова поля [45, с. 17]. Об этом говорится в «Повести о начале Москвы» – произведении, неопределенно датируемом концом XVI – началом XVII в. Непривычное для русского уха слово «кучка», по всей вероятности, может восходить к словам тюркского корня «кучюк» – «маленький», «небольшой» или, как и имя Кучум, «кучу» – «перемещение, переезд, кочевье». Такая версия нам представляется вполне правдоподобной, если учитывать, что к этому времени между Владимиро-Суздальским княжеством и Волжской Булгарией в силу географической близости и постоянно расширявшихся торговых связей происходили активные миграционные процессы, следствием чего было, в частности, образование смешанных браков и смешанного болгаро-русского населе-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

ния. Из их числа с большой долей вероятности был принявший крещение Стефан (Степан) Иванович Кучка (ср.: [14, с. 45–46]). Лавры основателя Москвы с Юрием Долгоруким по праву может разделить и хозяин Кучковых сел, который пал от рук воинов Юрия Долгорукого, защищая свои владения. Предпочтение, которое было отдано Юрию Долгорукому, можно объяснить тем, что окончательная «редакция» исторических фактов происходила уже в позднесредневековый период, когда окончательно восторжествовала мессианская идея «Москва — Третий Рим» и история Русского государства писалась под прямыми наследниками антично-византийской традиции — великих князей, начиная от отца Юрия Долгорукого (ум. 1157) Владимира Мономаха (1053–1125). Худородный Кучка, чья дочь Улита, мстя за отца, убила князя владимиристо-суздальского Андрея Боголюбского (1111–1174), за которым была замужем, для почетной роли основателя Москвы и Московского княжества по понятным причинам явно подходить не мог. Существенным дополнением к этому историческому сюжету является то, что тюркские корни прослеживаются в происхождении не только боярина Кучки, но и самого Андрея Боголюбского, рожденного от брака Юрия Долгорукого и дочери половецкого (кипчакского) хана Аепы (Аййуба). Как сообщает летопись, имя Андрей он приобрел уже после крещения, «иже прежде крещения нарицашеся Китаем», т.е. до того он носил тюркское имя Китай (Катай), которое на языке половцев означало «крепость», «укрепление»¹. От этого же корня происходит название исторического места самого древнего (после Кремля) района Москвы Китай-города, который появился после того, как в 1534–1535 гг.

¹ *Шамаро А.* Путешествие по «татарской Москве» // Евразия. 1993. № 2. С. 42.

торговые ряды, составлявшие Великий посад, были обнесены стеной. Нелишне также вспомнить, что половецкая кровь текла в жилах Александра Невского, мать которого была половецкой.

Таким образом, первые свидетельства о Москве говорят о том, что она с момента основания была городом, соединившим этнически и конфессионально две изначально присущие ему духовно-культурные традиции, восходящие к исламу, прежде всего принявшим его волжским булгарам, и христианству византийского образца, которое в силу исторического выбора стало религией и образом жизни большинства населения как самого города, так и всего Российского государства. «Кто был в Москве, знает Россию» — эти слова выдающегося русского историка Н.М. Карамзина, к научному наследию которого мы будем постоянно обращаться в этой книге, являются хорошим путеводителем по московской и, следовательно, российской истории, демонстрирующим значение ислама и в целом культуры мусульманских народов в жизни Российского государства.

ГЛАВА 1

«ТАТАРСКАЯ МОСКОВИЯ»

Завоевание в середине XIII в. Владимирского и других княжеств Северо-Восточной Руси Золотой Ордой (или по собственному названию – Улус Джучи) открыло новый период в истории Российского государства, который, по классификации известного русского мыслителя Н. А. Бердяева, получил название «татарского»¹. Именно в «татарский период» при первом московском князе, младшем сыне Александра Невского Данииле (р. 1261), память о котором хранит основанный в 1282 г. Свято-Данилов монастырь – нынешняя резиденция Московского патриархата и Священного синода Русской православной церкви, начинается постепенное возвышение Москвы как стольного города, сопровождавшееся расширением территории вокруг нее за счет городских станов и укреплением в целом Московского княжества. По оценке Н.М. Карамзина, «Москва... обязана своим величием ханам» [24, с. 429]. Чтобы понять истинный смысл этих слов, необходимо вспомнить, с каким общественно-политическим багажом подошла Русь к новому историческому рубежу: за период с середины XI по начало XIII в. чуть менее века, а именно 80 лет, прошло в череду кровавых междоусобиц разных удельных кня-

¹ См.: *Бердяев Н.А.* Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1, 2.

зей за право называться великим князем. «...В крамолах княжеских век человечий сокращался, — читаем мы в «Слове о полку Игореве». — Тогда по Русской земле редко пахари покривали, но часто вороны граяли, трупы себе деля...»¹. Ханская власть если и не смогла остановить сразу эти распри (взаимные интриги, например, московских и тверских князей продолжались еще долго, вплоть до XV в.), то, по крайней мере, постаралась обуздать «деградацию нравов и массовое безумие», царившие в домонгольской Руси [28, с. 21–22]. Если использовать современную политическую терминологию, Орда в то время была своего рода федеральным центром — сегодняшней президентской администрацией, руководитель которого «вызывал на ковер» в Сарай князей, выслушивал, судил и выносил приговор: кого одаривая ханским ярлыком, кого лишая ханской милости, а иногда и жизни. Не идеализируя Орду, представлявшую собой типичный образец восточной средневековой деспотии со всеми вытекающими из этого последствиями (феодалный гнет, политическая и социальная нестабильность и проч.), отметим, что именно в это время были заложены все необходимые предпосылки образования будущего Российского государства, центром которого стала Москва.

С установлением между Ордой и Русью отношений вассальной зависимости, важной составляющей которой был сбор дани, роль удельных князей стала заключаться прежде всего в умении любым способом доказать свою лояльность ханскому двору. В этом больше других преуспели сыновья первого московского князя Даниила Юрий (1281–1325) и сменивший его Иван (1282–1340), прозванный

¹ Слово о полку Игореве. М., 1968. С. 37.

Калитой. Претензиям князя Юрия на право быть приближенным к Орде во многом помог выгодный брак с сестрой хана Узбека Кончаккой (в крещении Агафьей) в 1317 г. Двухлетнее пребывание в Орде (с 1315 по 1317 г.) не прошло для него бесследно: он был удостоен великокняжеского ярлыка – особой инвеституры на правление. Его брат князь Иван (Иван I) ценой активного и, главное, заинтересованного участия в подавлении взбунтовавшейся в 1328 г. против ханских наместников Твери еще более укрепил московские позиции в Сарае, фактически став генеральным откупщиком дани по всей Руси. Это означало, что Москва как второй по значению после Сарая политический центр отныне приобрела монопольное право главного партнера и союзника большой ордынской политики на Руси. За два года до этого произошло другое важное событие: при митрополите Феогносте, получившем ханский ярлык, Москва становится также церковной столицей формирующегося государства, что положило начало истории Московской патриархии (1326).

«Величие ханов» в этот исторический период проявилось и в веротерпимости – явлении совершенно нетипичном, скажем, для средневековой Европы, которая переживала мрачные времена инквизиции. Принцип «*cujus regio elus religio*» – «кто владеет страной, тот определяет религию», распространенный в феодальной Европе, в условиях улуса действовал очень условно. Орда, защищая религиозные интересы всех своих подданных, не стремилась к прозелитизму и тем более к конфессиональной унификации на основе исламского вероучения, за которым в период правления самого могущественного ордынского хана Узбека (1312–1342) были закреплены прерогативы государствен-

ной религии. Известный церковный историк и богослов Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский (1816–1882), ставший членом Императорской академии наук, в своем фундаментальном труде «История русской церкви» не раз подчеркивает эти особенности правления ордынских ханов и приводит показательный для того времени документ.

«Все чины православной церкви и все монахи, — читаем в указе хана Узбека, — подлежат лишь суду православного митрополита, а не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню, тот подлежит смерти без различия, русский он или монгол. Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами Бога!»¹

В «татарской Московии» (так иногда именовали Московскую Русь из-за сильных позиций татарской политической элиты — мурз и беев) социальная престижность всего ордынского, в том числе прямо или косвенно связанного с исламом, имела едва ли не абсолютный характер. Это нашло отражение, как хорошо известно, в организации военного дела, фискальной системы, делопроизводства и дипломатического протокола, некоторых поведенческих стереотипах, деталях быта и одежды, царских регалиях (типичный пример — скроенная по восточным образцам знаменитая шапка Мономаха — аналог царской короны), а также в известной практике обучения княжеских детей ордынскому политесу, включая язык, в Сарае при ханском дворе. Имеющиеся источники дают основание предпо-

¹ Цит. по: «Все об исламе» (газета). 2002. № 7.

жить, что тюркский (татарский) язык на Руси играл в то время куда более значительную роль, являясь фактически *lingva franca*, нежели в XVIII–XIX вв. в русском обществе занимал французский, сфера обращения которого ограничивалась только высшим светом.

История Москвы сумела сохранить богатую топонимику улиц и поселений, основанных представителями ордынской аристократии. Это прежде всего касается бывшей Татарской слободы, расположенной в Замоскворечье, память о которой хранят два переулка – Большой Татарский и Малый Татарский, а также две улицы – Большая Татарская и Татарская. Рядом с ними (в непосредственной близости от станций метро «Третьяковская» и «Новокузнецкая») расположены три переулка – Большой Толмачевский, Малый Толмачевский и Старый Толмачевский, где жили толмачи – переводчики с тюркских и других восточных языков. Большой Толмачевский переулок соединяется с Большой Ордынкой – улицей, возникшей в XIV в. на дороге, уходящей на юго-восток, на Нижнюю Волгу, в Золотую Орду, к ее столице – Сараю. В Замоскворечье можно найти следы и Крымского подворья, просуществовавшего около трех с половиной столетий (1443–1783), – Крымский вал, Крымский мост, Крымская набережная, Крымская площадь, Крымский тупик и т.д. Недалеко от Крымского подворья на Конной площади (вблизи от станции метро «Шаболовская», где сохранился Конный переулок), в годы княжения Василия III (1505–1533) был центр ногайской конеторговли – «ордобазарцев». Картина «татарской Московии» будет неполной, если не вспомнить Балчуг (от татарского «балчык» – глина, грязь, болото) – старейшую и, возможно, самую короткую московскую улицу, идущую к Кремлю, а также не менее известные –

Арбат, Таганку, Колпачный и Барашевский переулки, Басманные, а также Большую и Малую Черкизовские улицы, Карачаровское шоссе и проезд, Кадашевскую набережную, Татарово (нынешнее Крылатское) и др. В «татарский период» в основных чертах сложился ансамбль Кремля, первое упоминание о котором в Тверской летописи датируется 1315 г. Среди двадцати кремлевских башен есть угловая Беклемишевская, названная в честь представителей известного княжеского рода Беклемишевых (татарское слово «беклемиш» означает «охраняющий», «защищающий»), двор которых примыкал к этой башне. Само слово «кремль» является производным от древнетюркского «кермен» — крепость либо татарского «корылма» — сооружение.

О собственно исламских формах религиозной жизни средневековой Москвы в ордынский период из-за отсутствия сохранившихся документальных данных можно судить лишь опосредованно, исходя из априорного суждения: «где есть мусульманская община, там существует поклонение Аллаху». Во всяком случае, наличие в столице большого числа ханских подворий (посольств) и дворов, находившихся как внутри Кремля (например, основанный в 1365 г. Чудов монастырь, где располагалась резиденция ханских послов), так и за его пределами — в Зарядье, Замоскворечье, селах Измайлово и Татарово, дает основание говорить, что ордынская элита — даруги, ханские посланники и их толмачи, мурзы, баскаки и купцы — должна была по определению регламентировать свой каждодневный жизненный порядок согласно собственному привычному укладу и известным предписаниям исламского вероучения.

В послеордынский период ислам и связанный с ним образ жизни еще продолжительное время прямо и косвенно играли заметную

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

роль в жизни столицы и всего Московского государства, которое после крушения Византии в 1453 г. и образования Османской империи, а также Астраханского, Казанского, Сибирского и Крымского ханств оказалось в окружении мусульманских государств. Этот фактор во многом предопределил формирование внешнеполитических приоритетов государства: основным направлением международной политики в это время стало восточное. В начале XV в. устанавливаются регулярные дипломатические отношения с первым государством Востока – Крымским ханством, на рубеже XV–XVI вв. – с Османской империей, с монархиями Сефевидов в Азербайджане и Иране, с образовавшейся после распада Золотой Орды Ногайской Ордой. В это же время складываются союзнические отношения с Казанским ханством, выходцы из которого нередко получают высшие государственные должности в самой Москве, а также осуществляют правление в своих уделах в Кашире, Серпухове, Звенигороде, Костроме, Вологде и других городах Московского государства.

Одновременно начинают издавать переводную литературу, посвященную описаниям мусульманских святынь в Мекке и Медине, как, например, «Описание путешествия некоего мужа римлянина Людовика ко гробу Магомета прелестника» (1493). В этом вошедшем в «Русский хронограф» произведении – древнерусском летописном сказании, приводятся общеизвестные знания об исламе, а также сведения легендарного характера о «пророке Магмете». В «Русском хронографе» можно также найти материалы по истории турок, о принятии ими ислама, завоевательных походах турецких султанов Баязида и Тимура, дневниковые записи одного из участников осады Константинополя Нестора Искандера и

многое другое. По-своему уникальным сочинением, написанным в самом конце XVI в., является труд московского дворянина Ивана Пересветова, который в познавательной форме повествует о «сейдах, муллах и хофизах», т.е. о жизни мусульманского духовенства и его нравах в Османской империи. Интересно, что в его интерпретации, например, Османский султанат, с которым Москва установила дипломатические контакты в последние годы XV в., преподносился в качестве идеального механизма государственного управления, вполне применимого в условиях современной ему Руси. «О, если б к московской истинной вере да правда турецкая, — писал он в одной из эпистол, — так ведь с русскими сами ангелы беседовали бы» (цит. по: [4, с. 27]).

В это же время стараниями присланного в Москву из Греции для исправления и перевода богослужебных книг церковного писателя и теолога Максима Грека (ок. 1475–1555) создается жанр полемической литературы, направленной против ислама и пронизанной откровенной религиозной нетерпимостью по отношению к «агарянам», т.е. мусульманам. Описывая современную ему Москву, он, в частности, сумел уловить бросавшиеся в глаза приметы своего времени и с сокрушением отмечал, что скоро москвичи, пожалуй, будут ходить в чалмах. Факт ношения москвичами в это время татарских тюбетеек и «шлыков и портов турецких (т.е. полного костюма)» действительно имел место, что согласно решениям Стоглава — церковно-земского собора 1551 г. связывалось с происками «безбожного Махмета». Согласно этому документу в Москве даже появился чуждый христианству обычай входить в церковь в шапках [49, с. 296].

К середине XVI в. наблюдается новый рост поселений мусульман — представителей по-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

сельских миссий из Стамбула, Бухары, Хивы и Индии, ногайцев, кабардинцев и других выходцев с Северного Кавказа и Закавказья еще более, чем раньше, инкорпорированных в городскую жизнь Москвы. В это время также возводятся молельные дома и специальные постройки для совершения ритуальных обрядов, оформляются мусульманские кладбища (близ Калужской заставы и в районе села Татарово в Кунцево). Не случайно, видимо, что в эпоху правления Ивана Грозного и даже Смутного времени в среде татарских сановников бытовало мнение, будто, как отмечал английский посол Дж. Флетчер, посетивший Москву в 1588 г., «вся страна от их границ на север и запад до города Москвы, не включая и самой Москвы, принадлежит им» [46, с. 76].

Покорение Казани в 1552 г. открыло новую страницу в истории «татарской Московии»: стали появляться мусульманские формы в московском зодчестве, особенно в строительстве церквей и колоколен. Вершиной этого влияния может считаться сооруженный в память о взятии Казани храм Василия Блаженного (1555–1556). Архитектурным прототипом этого храма стал, по утверждению историка М. Худякова, известный памятник мусульманского зодчества, существовавший до захвата Казани, – мечеть Кул-Шариф. «...Своими архитектурными формами Василий Блаженный больше всего напоминает мечеть Кул-Шариф с ее 8 минаретами, предание о которых записано Марджани, – пишет М. Худяков. – Восемь башен Василия Блаженного, увенчанные восточными куполами, находят себе поразительное соответствие в этих 8 минаретах... Русское правительство отчетливо выразило идею подчинения Татарского государства России, перенеся архитектуру главной мечети Казани в Москву...» [49, с. 298–299].

Согласно другим сведениям этот храм был построен не только в память о покорении Казани, но и на казанские деньги, которые были захвачены Иваном Грозным в качестве «громальной добычи» при взятии города. Таким образом, этот замечательный московский храм, являющийся сегодня одним из зримых символов древней столицы, представляет собой живой пример материального присутствия средневековой Казани в историко-архитектурном облике Кремля и в целом Москвы, напоминая известные слова о ее «полуазиатской физиономии», сказанные Н.М. Карамзиным в «Записке о московских достопамятностях» в 1817 г.

ГЛАВА 2

МОСКВА XVI–XVIII ВВ.

Во второй половине XVI в., с завершением образования Московского государства в его новых границах, и особенно заметно в XVII в. начинается постепенный процесс вытеснения ислама из тех сфер общественной и культурной жизни, где он в той или иной форме привился ранее. Это было вызвано попытками московской аристократии, прежде всего духовной, осмыслить новую внутривосточную и международную ситуацию и обосновать через религиозные символы место Москвы как центра православного Востока в мировой христианской истории. Продиктованная сложившейся веками религиозной традицией опора на антично-византийское духовное наследие способствовала укоренению в сознании русского человека идеологемы «Москва — Третий Рим», которая, в свою очередь, стала новым идеологическим базисом построения Московского царства и утверждением в русском православии мессианских настроений. Начинается иницируемый царским двором и высшим московским духовенством курс на конфессиональную унификацию всех подданных Русского государства, смысл которого в отношении ислама был ясно передан в указе последнего представителя династии Рюриковичей на российском престоле — царя Федора Иоанновича (1584–1598): «все мечети пометать и вконец их извести» [23, с. 90].

Глава 1. «Татарская Московия»

Само собой разумеется, что в результате этого указа прежде всего могли пострадать мусульманские молельные сооружения и мечети, которые находились в черте Москвы и вокруг нее.

Вплоть до начала правления Екатерины II сфера бытования и распространения ислама в Москве ограничивалась исполнением мусульманских обрядов и предписаний при дворах посольских и торговых миссий как среднеазиатских ханств (Бухара, Хива, Ургенч и Самарканд), так и Ирана, Империи Великих Моголов, Индии и, конечно, Османской империи. Известным заповедником ислама в Москве, помимо уже упоминавшейся Татарской слободы, где в основном селились владевшие восточными языками переводчики и толмачи Посольского приказа, был двор (усадебный двор) касимовских царевичей, который просуществовал до 1742 г. (располагался он на углу улиц Мясницкой и Мархлевского (точный адрес – ул. Мясницкая, 7), а также Крымский двор (или Крымское подворье, просуществовало с 1530 по 1785 г.) – торговое и дипломатическое представительство Крымского ханства на месте современного Крымского вала, где останавливались приезжавшие из Крыма посольства и купцы.

«Татарская слобода в XVII в. жила своей, полуавтономной жизнью... Число татарских дворов в ней было невелико, да и в целом она занимала небольшую площадь, – пишет Д. Хайретдинов. – Согласно переписи 1669 г. в ней насчитывалось 18 дворов, из которых только половина принадлежала мусульманам... Значимость Татарской слободы определялась в первую очередь именно принадлежностью ее жителей к переводческой службе, так как дипломатические сношения с Крымом, Османской империей, Персией и другими странами Востока играли значительную

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

роль в государственной политике России того времени. В социальном плане жители этой слободы занимали промежуточное положение между феодалами и зависимыми людьми, однако, в силу компактного жительства и самого рода их занятий, именно им суждено было сохранить исламскую религию и национальные обычаи» [47, с. 61].

Духовная жизнь московского общества при царе Федоре Алексеевиче (1676 – 1682) целиком связана с усилением роли православия и насильственным вытеснением ислама из всех сфер общественного бытия. Эти тенденции в религиозной жизни Москвы, которая в этот период обрела облик «сорока сороков церквей», фактически став теократическим центром православного мира, окончательно закрепил царский указ 1681 г. Согласно этому указу нетерпимое отношение к исламу приобретает характер государственной политической установки. Тем не менее эти новые обстоятельства не мешали татарам Москвы собираться за городом и свободно исполнять там свои религиозные обряды [39, с.16–19].

Имперский период российской истории, начавшийся с царствования Петра I (1682–1725) и продолженный его преемниками, для нерусского населения Москвы, исповедующего ислам, не только обернулся новыми испытаниями (к чему татарская община за прошедшие столетия уже была приучена), но и в то же время позволил существенно расширить возможности открытого исповедания своей веры. Манифест Петра Великого о свободе вероисповедания и об ответственности каждого человека за свое духовное состояние, который был издан в Москве 6 апреля 1702 г., положил начало курсу либерализации религиозной политики в государстве.

Мусульманская община, черпая силы из культивируемого ордынского прошлого, продолжала жить своей, насколько это было возможно, изолированной границами поселения и, главное, стенами родных очагов, жизнью. Оберегая традиционные устои, жители Татарской слободы, лояльные, в силу своих прямых служебных обязанностей, российским государям и в целом императорскому двору, к представителям городской администрации — приставам и околоточным, пытавшимся иногда нарушать привычный жизненный ритм и навязывать свои порядки, относились без лишних церемоний. «Улицы Татарской иноземцы, толмачи и переводчики по наряду десятского на уличный караул не ходят, и людей не высылают, и десятника бьют, и собаками травят, и говорят такие слова, что объезжего с подьячим и служилыми людьми хотят бить до смерти», — читаем в жалобе, поданной в Разрядный приказ в 1695 г. неким Иваном Ивановым Кореевым (цит. по: [39, с. 20]).

Относительная независимость и спокойствие жителей Татарской слободы обеспечивались благосклонным отношением первых московских градоначальников — Алексея Салтыкова (с 1713 г.) и его преемника Кирилла Нарышкина (с 1716 г.), в родословных которых имелись еще не стершиеся из их памяти татаро-ордынские корни. Род Салтыковых был известен своей ратной службой московским князьям, начиная с Ивана Калиты; род Нарышкиных вел свое происхождение от крымско-татарского вельможи Курбата, который после принятия православия и женитьбы на русской получил прозвище Нарыш.

Хотя первые упоминания о мечети в районе Татарской слободы возникают лишь в связи с переписью 1744 г. (см. [47, с. 105]), скорее всего роль слободской мечети в начале

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

XVIII в. мог играть наиболее приспособленный для этих нужд дом или специально выделенное помещение из 15 татарских дворов, расположенных в Замоскворечье. К слову сказать, в том же году, а именно 13 апреля 1744 г., правительство Елизаветы Петровны, идя навстречу российским мусульманам, разрешило не подвергать разрушению старые мечети времен Казанского ханства, а в татарских слободах Казани и Оренбурга начать строительство новых мечетей. Такой неординарный шаг царского двора был продиктован прежде всего тем, что в русско-турецких отношениях, которые в XVIII в. претерпевали то взлеты, то падения, религиозный фактор стал приобретать важное политическое значение. Обе стороны, апеллируя к духовным ценностям своих вероучений, имели возможность так или иначе влиять через внутриконфессиональные связи на умонастроения своих единоверцев — подданных другого государства: Россия через свою Церковь — Антиохийский и Иерусалимский патриархаты на православное сообщество Османской империи, Турция через крымских ханов или влиятельные татарские или башкирские роды — на российских мусульман. В многоуровневой и многоходовой международной дипломатии и российская императрица, и турецкий султан имели одинаковую заинтересованность в налаживании христиано-мусульманских отношений, которые в известном смысле являлись для того времени барометром межгосударственных отношений. И мусульманская Турция, и христианская Россия в исторической ретроспективе имели общего прародителя — Византию, что также рассматривалось иногда как некое объединяющее два государства духовное, связанное с Божественным провидением звено [35, с. 7–26, 97]. Осознание императорским двором важности

магометанского (исламского, как сказали бы сейчас) фактора на внутривосточной политической арене происходило не сразу, но одновременно с ростом религиозного самосознания российских мусульман и их постоянно растущим за счет новых территориальных аннексий числом. Плоды этих взаимосвязанных процессов пришлись уже на «блистательную эпоху» правления Екатерины II, или, как ее называли российские мусульмане, «Эби патша» – «бабушки-царицы».

Противоречивый дух петровской эпохи вызвал новый всплеск интереса к исламу и в целом положил начало систематическому изучению мусульманского Востока, что было продиктовано прежде всего прагматическими задачами внешней политики и торговли. 18 июня 1700 г. в Москве был издан указ об обучении русских людей восточным языкам для службы по сношениям с Востоком. В январе 1716 г. издается сенатский указ «о выборе в Москве ... пяти человек молодых ... для посылки в Персиду при посланнике г. Волынском для учения языкам турецкому, арабскому и персидскому...», а в 1724 г. согласно аналогичному указу в Царьград направляются «ради обучения турецкого языка из шляхетства несколько из молодых людей ... летами в тринадцать или четырнадцать ... при посылки брегадира и гвардии мазора Румянцева» [25, с. 41]. Одновременно через «окно, прорубленное Петром I в Европу», Россия, кроме прочего, впервые могла ознакомиться с более или менее адекватным текстом Корана. По приказу Петра в 1716 г. увидел свет первый полный перевод на русский язык Корана, выполненный неизвестным автором, а позднее уточненный и исправленный доктором философии П. Постниковым.

Перенос столицы государства заставил социально активную и профессионально подго-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

товленную часть татарского населения Москвы, в основном служилую и торговую, искать счастья в Санкт-Петербурге, где в 1716 г. обособилась Посольская коллегия (с 1720 г. — Коллегия иностранных дел).

Преемники Петра I — Екатерина I (1725—1727), и особенно Петр II (1727—1730), действовавшие, исходя из интересов христианства и в целом православной государственности, «убавлению» мусульман способствовали не только практически, но и путем принятия законодательных актов, во многом повторявших упомянутый указ Федора Иоанновича, в соответствии с которым полагалось «все мечети пометать...», или известное Соборное уложение 1649 г. В то же время эпоха Петра II примечательна редкими, но показательными случаями, когда знатные московские вельможи, например из рода Юсуповых, происходившие от султана Ногайской орды Юсуфа, оставались верны вере своих предков. Испанский посол Дюк де Лирриа, давая очень лестную оценку боевому генералу времен Петра I князю Григорию Юсупову, «татарского происхождения», и характеризуя его как одного из «тех людей, которые всегда идут прямою дорогою», отмечал, что «брат его еще и поныне магометанин» [38, с. 276].

Восшествие на российский престол Екатерины II (1762—1796), которая, как и ее муж Петр III (1761—1762), была далека от идеалов православного царства и придерживалась идеологии просвещенного абсолютизма, коренным образом изменил положение мусульман Российской империи. Ислам, являвшийся до того гонимой религией, 17 июня 1773 г. согласно указу Екатерины II о терпимости вероисповеданий получает официальное признание и все необходимые права для беспрепятственного развития, что обеспечивает возможность постепенного возрождения со-

словия служителей мусульманского культа и полной легализации мусульманских общин по всей России, включая Москву.

Значительный толчок активизации ислама могли дать проходившие в Москве торжества по случаю подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора между Россией и Турцией в июне 1775 г., которые вылились в десятидневные народные гулянья и парадный прием в Кремле, где турецкий посол Абдул Керим вручил Екатерине II вместе с подарками от турецкого султана грамоту о вечном мире. В переписке Екатерины II сохранились сказанные летом 1775 г. такие слова: «Мне кажется, что дружба и согласие, которые установились между возлюбленным моим братом Абдул-Гамидом (турецким султаном — Ф.А.) и мною, заставляют многих худеть» [38, с. 59]. Екатерина II имела в виду крупнейшие европейские державы, которые ревностно следили за развитием русско-турецких отношений. Именно в этой связи с 1777 г. в Московском университете, правда на непродолжительное время, было введено преподавание турецкого языка, а также были предприняты попытки на базе богословского факультета создать школу отечественного востоковедения.

Заметным явлением светской жизни Москвы в 70-е годы стала постановка на московской сцене в переводе П.С. Потемкина вольтеровского «Магомета» — пьесы, где в форме антирелигиозного памфлета поднята проблема духовного долга, который при определенных обстоятельствах может перерождаться в вид духовного обмана и даже порабощения. Находясь под влиянием художественных канонов эпохи Просвещения и подчиняясь антиисламским стереотипам, укоренившимся в европейском общественном сознании, Вольтер и его русский интерпретатор Потемкин

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

показывали неприглядный образ Магомета, который предстает тираном.

Интерес к восточной тематике у столичной публики удовлетворялся также многочисленными «анекдотами азиатскими» и «баснями восточными», которые публиковались в столичных журналах «Московитянин», «Русский вестник», «Телескоп», «Зеркало света», «Отечественные записки» и др. На страницах этих и других столичных журналов можно было встретить также художественные мистификации под арабскую старину: аллегории, сказки и повести, которые нередко назывались «переводом с арабского», хотя на самом деле таковыми не были. В русской литературе конца XVIII в. стараниями А.П. Беницкого (1780–1809) получили распространение оригинальные «восточные повести», которые стали одним из излюбленных жанров отечественной словесности. Более крупными памятниками арабской литературы, с которыми в XVIII в. «можно было познакомиться целиком в сравнительно близкой передаче», были Коран и «1001 ночь» [25, с. 54]. В 1790 г. появился перевод Корана, выполненный М.И. Верекиным, крупным литератором екатерининской эпохи, который стал источником для создания А.С. Пушкиным его «Подражаний Корану» (1824) во время пребывания в ссылке в Михайловском. Что касается «1001 ночи», то первое издание вышло в Москве в 12 частях в 1763–1771 гг., а затем было переиздано еще четыре раза – в 1776–1784, 1789, 1796, 1803 гг. О популярности связанных с исламом сюжетов – своего рода исламофильской тенденции в русской литературе последней четверти XVIII в. – свидетельствует и то, что популярная книга «Магомет с Алкораном», выпущенная известным переводчиком и издателем Петром Богдановичем, за короткий срок выдержала три издания – в 1774, 1786 и 1792 г.

Для самих московских мусульман либерализация религиозной политики, связанная с окончанием русско-турецкой войны, вылилась в активизацию духовной жизни вокруг единственной деревянной мечети, которая располагалась в Татарской слободе во дворе переводчика Коллегии иностранных дел князя Сулмамбет-мурзы Сименя и просуществовала там вплоть до начала XIX в. С 1782 по 1840 г. ее имамом был мулла Абдулла Узбеков. Одновременно наблюдается и заметное увеличение численности и этнического разнообразия мусульманского населения столицы, что было вызвано другим екатерининским манифестом «О высочайших дарованиях разным сословиям милостей по случаю заключения мира с турками» и последовавшим за ним оживлением татарского торгового капитала и миграциями из Поволжья, Урала, Крыма (особенно после его присоединения в 1783 г. к России) и Средней Азии.

Эпоха правления Александра I (1801–1825) для московской общины мусульман (джамаата) прошла под знаком решения главного вопроса – получения разрешения на строительство каменной мечети и затем ее возведения на участке купца первой гильдии «из бухарцев» Назарбая Хашалова (Хамалова) на Большой Татарской улице в Замоскворечье. Несмотря на малочисленность (в 275-тысячной Москве проживали около 300 мусульман) и в целом сохранявшийся низкий социальный статус ее рядовых членов (типично татарскими профессиями считались дворник, кучер, дворовый человек), татарская община и главным образом ее духовное руководство во главе с муллой Абдуллой Узбековым сумели убедить председателя Оренбургского магометанского духовного собрания муфтия Мухаммеджана Хусаинова о необходимости строительства для

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

правоверных Москвы и Московской губернии каменного мусульманского храма. Известно, что в августе 1801 г. оренбургский муфтий прибыл в Москву и, видимо, на месте изучал суть просьбы московских единоверцев. Через четыре года, в октябре 1805 г., когда вопрос был проработан и готов к представлению, муфтий обратился к московскому генерал-губернатору А. Беклешову, который к тому же был членом Государственного совета, с ходатайством по вопросу возведения «постоянной каменной мечети». Обращение муфтия было встречено с должным вниманием, и генерал-губернатор, которого историки характеризуют как человека, всегда исполняющего данное обещание, приказывает обер-полицмейстеру Балашову собрать все сведения о жителях Москвы, исповедующих ислам, и подготовить свои предложения. Через месяц глава московской полиции в своем подробном рапорте отмечал: «... в урочище ... Татарская слобода находятся 12 домов, принадлежащих людям магометанского вероисповедания. В них жителей мужеска — 57, женска — 45, временно останавливающихся, приезжающих по торгам и проезжающих чрез сию столицу, по примерному исчислению, бывает в год от 250 до 300 человек...» Кроме того, отмечалось, что «...заведение здесь, подобно как и в Санкт-Петербурге, магометанского молитвенного дома в жителях города сего неприятного влияния последовать не предвидится, кои уже преобладают вникать в правила терпимости всех исповеданий»¹.

Рапорт и содержащиеся в нем предложения Балашова давали надежду, что на ходатайство муфтия последует положительная резолюция московских властей. Однако, про-

¹ Кустова М. Полумесяц над Москвой // ЛГ-Досье. 1991. № 7.

слышав о возможном строительстве иноверного храма, вмешался митрополит Московский Платон, который в резкой форме выступил с протестом относительно возведения в Москве мечети, указав на возможные «неудовольствия и соблазн» для остальных жителей города. Непримируемая позиция официальной церкви в итоге и решила судьбу этого ходатайства. К тому же А. Беклешов к этому моменту был уже в отставке. Новый московский губернатор Т. Тутолмин отстоять идею своего предшественника не смог или не захотел.

Вторая попытка была предпринята только через 11 лет, когда Россия (и вместе с ней Москва) пережила наполеоновское нашествие, в отражении которого приняли участие в том числе и мусульманские народы страны, победоносную войну с Ираном за Кавказ и Закавказье (1804–1813), сделав значительные территориальные приобретения – Карабахское и Ширванское ханства, новую антитурецкую кампанию (1806–1812), которой руководил М.И. Кутузов. В Москве в это время полным ходом шли восстановительные работы после опустошительного пожара 1812 г., заново отстраивалась старая часть города. В августе 1816 г. группа московских купцов-мусульман обратилась с просьбой к генерал-губернатору А.П. Тормасову, одному из героев Отечественной войны 1812 г., вновь вернуться к вопросу о строительстве мечети в Татарской слободе. Последовало распоряжение генерал-губернатора о проведении опроса жителей Татарской слободы на предмет обоснованности их требования: существовала ли здесь мечеть ранее, и если существовала, то когда была уничтожена. Как и ожидалось, опрос выявил, что в Татарской слободе, в Пятницкой части, во дворе владения переводчика Иностранной коллегии князя Сулмамита Мурзы Сименя Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

находилась мечеть, а богослужения в ней с 1782 г. совершал мулла Абдулла Узбеков. Но из-за начавшегося в конце XVIII в. в Москве «мора» — эпидемии чумы — большинство прихожан мечети и сам князь Сименей умерли, а его наследник продал дом, во дворе которого располагалась мечеть, купцу Щукину. Вскоре здание мечети, придя в ветхое состояние, было снесено, и после этого богослужения уже проводились в частных домах купцов Макая Абдулова или Абдуллы Исакова.

Через год московскому татарскому обществу было выдано официальное разрешение на покупку или постройку дома для молитвенных собраний: молитвенный дом, по предписанию Торماسова, не должен был иметь «признака татарской мечети никакой, и имел бы вид обыкновенного дома наравне с прочими обывательскими»¹. Пока шло строительство «общественного молитвенного дома», в ноябре 1818 г. был утвержден мулла и хатып Сейфулла Мулюк Асханов, а в 1819 г. в новом деревянном здании под № 294 на Большой Татарской улице начались богослужения.

Прежде чем четвертый по счету московский генерал-губернатор князь Д.В. Голицын, вовлеченный в решение затянувшегося вопроса, дал окончательное разрешение на возведение каменной мечети, прошло еще несколько лет бюрократической переписки и согласований. В 1823 г. формальное разрешение наконец было получено, и вслед за этим на участке купца Назарбая Хашалова (Хамалова) был возведен с виду похожий на обыкновенный городской дом каменный одноэтажный корпус со стилизованным минаретом над входной дверью. Сохранилась любопытная резолюция московского генерал-губернатора, отражающая отноше-

¹ Кустова М. Краткая историческая записка. С. 4.

ние к исламу начальства города: «...Чтобы крику, каковой обыкновенно татарское общество дельвали с возвышенных мест для созыва к своим обрядам, отнюдь впредь производимо не было, и чтобы дом, в коем купец Хамалов может по обряду своему отправлять богослужение, отнюдь строим не был в виде мечети и не назывался бы мечетью»¹.

России, а вместе с ней Москве предстояло пережить еще две непохожие эпохи императорского правления Николая I (1825–1855) и Александра II (1855–1881), а московским мусульманам на протяжении нескольких десятилетий внимать фетвам оренбургских муфтиев Габдессаляма Габдрахимова (1825–1840), Габдулвахиды Сулейманова (1840–1862) и Салимгарея Тевкелева (1865–1885), правнука первого генерала – мусульманина Кутл – Мухаммада Тевкелева, а также слушать пятничные хутбы Рафика Агеева (ум. в 1873 г.), имама и ахуна мусульман столицы, прежде чем дом с небольшим минаретом над входной дверью в Замоскворечье приобрел заверченный вид мусульманского культового сооружения. Это произошло в 1880 г.

¹ Кустова М. Краткая историческая записка. С. 6.

ГЛАВА 3

*EX ORIENTE LUX*¹

Проведенная в Москве первая однодневная перепись в 1871 г. выявила, что из зарегистрированных в столице 590 469 горожан татарское население составляло 663 человека, которые примерно в равных долях проживали в Мясницкой, Пятницкой и Сретенской частях. Согласно исследованию знатока московской истории В. Садура, в профессиональном отношении они составляли следующие большие группы: торговцы (купцы), включая посредников и членов коммерческих учреждений, военнослужащие, к которым были присоединены также государственные служащие, дворяне, различного рода прислуга — извозчики, официанты, работники железной дороги [43, с. 26–39]. Все более заметную роль в городской жизни Москвы стали играть и другие мусульманские этносы — азербайджанцы, крымские татары, выходцы с Северного Кавказа и из стран Востока.

Главным каналом духовно-культурной ретрансляции идей, связанных с исламом, служили прежде всего хорошо налаженные внутриэтнические связи татар и в целом проживающих в Москве мусульман. Их источниками, как и прежде, были прежде всего Казань и в меньшей степени Бахчисарай и Баку, являвшиеся средоточием исламской интеллектуаль-

¹ Свет с востока (*лат.*).

ной мысли, профессионального духовного образования и культуры, Бухара и Хива — центры среднеазиатской суннитской ортодоксии, а также Оренбург, где располагалась официальная резиденция муфтия и откуда исходили его религиозные директивы — фетвы. Вместе с тем для мусульманского сообщества Москвы была характерна не только этническая пестрота, но и связанные с этим различные опосредованные (если не сказать — профанированные) формы исламской конфессиональной культуры, которые к религии часто имели косвенное отношение. Бытописатель второй половины XIX в. В. Гиляровский в своих известных очерках «Москва и москвичи», практически игнорируя традиционный исламский пласт столицы — жизнь Татарской слободы, который, по видимому, ему, как репортеру, казался малоинтересным или малозаметным, обращает внимание на «восточную экзотику» столицы, а именно на бросавшийся в глаза азиатский компонент городского населения. В его произведении фигурируют ссылки на «восточных людей», которые селились в подворьях Ильинки и Никольской, на (как бы сейчас сказали) «лиц кавказской национальности» князей Шаховых, которые «в черкесках дорогого сукна, в золотых поясах, с кинжалами, сверкающими крупными драгоценными камнями», оказываются в игорном доме, где «по-крупному» играют в баккара и в конце концов оказываются под арестом, на банщиков-татар («персиян»), выписанных после появления в свет пушкинского «Путешествия в Арзрум» из Тифлиса в Москву для работы в Сандуновских банях, на первых московских шашлычных Автандиловых и Сулхановых, которые в 70–80-е годы держали модные в то время кавказские погребки и столовые на Софийке, Мясницкой и в Черкасском переулке [18].

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

С Москвой связана судьба одного из главных идеологов и организаторов просветительского движения среди мусульманских народов России Исмаила Гаспринского (1851–1914). Его отец состоял в Москве на государственной службе и, пользуясь своей принадлежностью к роду крымских мурз, приравненных к русскому дворянству, стремился дать сыну разностороннее образование, которое он получал попеременно в Симферопольской казенной мужской гимназии, Воронежском военном училище и, наконец, во 2-й московской военной гимназии. Оказавшись в гуще московской жизни, он также знакомится с И.С. Тургеневым, постепенно завязывает отношения с татарским сообществом города. К слову сказать, в Москве, как сообщали ежегодные справочники «Вся Москва», в это время учились или жили отпрыски многочисленных офицерских династий дворян магометанского вероисповедания из литовско-польских татар Ассановичей, Давидовичей, Якубовских и Туган-Барановских, а также состоятельные предприниматели из Бухары, Персии и Турции. Для Гаспринского Москва стала хорошей жизненной школой, где под влиянием широкого круга московских знакомых были сформированы его главные мировоззренческие взгляды, ставшие позднее основой концепции русско-мусульманского консенсуса.

Широкое знакомство за годы учебы в Москве с русской культурой во всех ее проявлениях и совершенно иным, чем в родном Крыму, жизненным укладом, затем учеба в Сорбонне, журналистская деятельность в Стамбуле (1874–1875) помогли ему уже к тридцати годам стать первым европейски образованным мусульманским интеллектуалом, выступавшим с идеей равноправного развития славяно-христианских и тюрко-мусульманских народов

России. В 1881 г. увидела свет его знаменитая работа «Русское мусульманство», в которой он писал: «Нигде сын Востока так легко не обживается, как в России. Ни в Марселе, ни в Париже вы не найдете арабской колонии (из Алжира), в Лондоне не существует индийского квартала, в Гааге не отыщете ни одного ачинца или малайца-магометанина, тогда как в Москве и Петербурге проживают тысячи мусульман, имея свои улицы, мечети и проч. Это большею частью татары, но кроме них во всех больших городах Внутренней России, не говоря уже о пограничных областях, вы найдете торговцев-персиян и пекарей-турок» [17, с. 64–65].

В конце XIX в. непрерывный рост мусульманского населения Москвы привел к образованию в мещанской части (Мещанские улицы) сначала нового прихода, а затем и возведению второй мечети, которая располагалась буквально в двух шагах от известного православного храма Святителя Филиппа, построенного еще в 1777–1788 гг. М.Ф. Казаковым. Центром новой общины стал населенный татарами дом на Цветном бульваре, примыкающий к Сретенке, с которой, как мы отмечали выше, связаны важные исторические события. В 1894 г., в год вступления на престол последнего российского императора Николая II, имам новой общины Бадретдин Алимов обратился с ходатайством о строительстве новой мечети в районах Тверского, Мясницкого и Сретенского участков. К этому времени мечеть на Большой Татарской улице, именовавшаяся Соборной, для московских мусульман оставалась единственным официальным местом молитвенных собраний, которые проводились ахунами из рода Агеевых.

Старший из мулл Агеевых – хаджи Рафик (Рафек), сын Бекбулатов, по имеющимся сведениям, был выходцем из Сибири и более по-
Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

лувека занимал пост соборного имама — мухтасиба и мударриса. В прямые обязанности Рафика Агеева, кроме отправления религиозных обязанностей в мечети и преподавания исламских дисциплин в медресе, входила также работа с мусульманами-военнослужащими, проходившими службу в Москве и Московской губернии. Кроме того, он состоял учителем веры при Александровском военном училище и 2-й московской военной гимназии. После его смерти в 1873 г. место имама и одновременно главы московской мусульманской общины перешло к его сыну Хайретдину, выпускнику Апанаевского медресе в Казани, которое в до-революционной России считалось одним из образцовых исламских учебных заведений. В медресе преподавались не только узкорелигиозные дисциплины, но и светские науки: математика, русский язык, арабская литература, история тюрок. В стенах этого престижного исламского училища формировалось мировоззрение выдающегося татарского писателя Гаяза Исхаки, известного ученого-богослова Мусы Бигиева, депутата II и III Государственных дум Садретдина Максуди, писателей Г. Камала, М. Гали, А. Шамова и др. Знаток нескольких восточных и европейских языков, человек высокой образованности не только в исламских, но и в гуманитарных науках, Хайретдин Агеев оставил заметный след в научной и культурной жизни Москвы конца XIX — начала XX в. Не прерывая духовно-проповеднической деятельности в Соборной мечети, он преподавал основы исламского вероучения в медресе и военных учебных заведениях Москвы, где учились мусульмане, состоял переводчиком при Оружейной палате, оставив после себя описания образцов средневековой мусульманской материальной культуры. При его активном участии в качестве одного из консультантов

было осуществлено последнее издание Корана в переводе К. Николаева на русский язык. Перевод К. Николаева, имевший бесспорные литературные достоинства, был выполнен не с оригинала, а с французского перевода, что потребовало у Хайретдина Агеева значительных усилий для исправления многих смысловых неточностей. К мнению просвещенного ахуна проявляли интерес многие ученые-востоковеды, царские чиновники, занимавшиеся исламом, а также такие деятели по просвещению инородцев, как Н.И. Ильминский, ведущий идеолог русификаторской политики российских мусульман.

Наученные горьким опытом строительства первой московской мечети мусульмане столицы, жившие на Сретенке и в других уголках Москвы, при помощи своих состоятельных единоверцев, главным образом из числа касимовских татар, довольно быстро смогли найти нужное для них решение. В 1902 г. на средства московского мещанина С. Бакирова и касимовского купца Х. Акбулатова был приобретен земельный участок площадью 0,77 га под № 93/85 в Мещанской части по Выползову переулку № 5, который, по окладным книгам городской управы за 1901 г., принадлежал потомственному почетному гражданину С.А. Мошкину. Стоимость сделки составила 35 000 рублей. 2 декабря 1902 г. после оформления дарственной Оренбургскому Магометанскому духовному собранию, в которой была указана цель приобретения участка, и соответствующей регистрации в городской управе эта земля фактически стала собственностью мусульман, т.е. вакфом. В 1903 г. по окончании согласования и всех процедурных формальностей было получено официальное разрешение по этому вопросу московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. На следующий год архитектор Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

ром Н.А. Жуковым был подготовлен проект квартальной мечети в византийском стиле с хорами на 2000 молящихся; финансирование строительства взял на себя потомственный московский купец Садык Ерзин, сын богатого московского купца Салиха Ерзина. «Восточный торговый дом Салих Ерзин и сыновья», специализировавшийся на торговле бухарским хлопком, а также шелком, кожей и мехами, был в середине 1900-х годов одним из самых больших преуспевающих магазинов Москвы, услугами которого пользовались многие москвичи. Именно благодаря своевременному привлечению необходимых средств, выделенных С. Ерзиным и другими состоятельными мусульманами города, строительство мечети, начатое летом 1904 г., уже в ноябре было завершено. Бурное развитие капиталистических отношений и постоянный рост населения Москвы, в том числе и за счет мусульманских этносов, постепенно вытесняли из сознания высших московских чиновников стереотипы, которым они незыблемо следовали еще в XIX в., заставляя их считаться с новыми реалиями.

«Во дворе каменная 2-этажная с подвальным этажом мечеть», — читаем мы в описи владения за 1906 г. Позднее, перед началом Первой мировой войны, на территории владения было построено еще два двухэтажных дома: в одном размещалось духовное училище — медресе, в другом — квартира приписного имама и общая комната для младших духовных лиц.

В статье «Несколько кратких сведений о татарах-мусульманах Москвы» М. Третьякова в журнале «Православный благовестник» в форме очерка подробно описана жизнь московской общины мусульман. Стараясь быть объективным, Третьяков пытается показать облик современного ему мусульманина-москвича не только с точки зрения его традици-

онного окружения и корней: религии и исламского образования. «Кроме своих мусульманских школ мусульмане г. Москвы поступают и в русские учебные заведения, — читаем мы в очерке. — Мужчины учатся и в военных, и в светских учебных заведениях, именно: в Московском военном училище, в Александровском военном училище, в Московском императорском университете — на юридическом и медицинском факультетах, преимущественно же на первом. Женщины получают образование в женских гимназиях и Елизаветинском институте»¹. Отметим, что численность мусульман, например, в Московском университете была весьма незначительна: в 1909 г. учились всего 14, а в 1912 г. — 24 человека [22, с. 306].

«Пробуждение Азии», о котором писал Ленин, не только коснулось стран Востока, но и затронуло все стороны жизни иноверцев самой Российской империи. Стремясь идти в ногу со временем, российские мусульмане все активнее втягивались в социально-политические процессы, происходящие в государстве, и, что важно, искали свои формы участия в них. В октябре 1904 г. видный представитель мусульманской общественности России Г. Ибрагимов (1857–1944), разделявший идеи русско-восточного соглашения И. Гаспринского, во время встречи с министром внутренних дел князем П.Д. Святополк-Мирским в Москве обсуждал вопросы реформирования мусульманского сообщества страны в контексте стоящих перед Российским государством задач. Эту встречу с царским министром, который ограничился туманными обещаниями принять необходимые меры, как и консультации Габдерашита Ибрагимова по этому во-

¹ Православный благовестник. 1901. № 3. С. 138.

просу с известным думским деятелем Стаковичем, можно считать первой попыткой самодержавия определить контуры внутренней политики в отношении мусульманского общества страны.

В эти годы московские мечети часто становятся местом встреч и собраний представителей мусульманской интеллигенции самых разных политических взглядов и умонастроений: членов мусульманской фракции Государственной думы, общественных и религиозных деятелей. В них неоднократно бывали выдающийся просветитель И. Гаспринский, с проповедями выступали крупнейшие богословы и мыслители с мировым именем Галимджан Баруди и его преемник (с 1921 г.) на посту главы Духовного управления мусульман Внутренней России, Сибири и Казахстана Ризаутдин Фахретдин.

В Москве в 1906–1907 гг. выходил журнал для детей «Тарбияи-этфаль», ответственным секретарем которого был Фатих Амирхан, будущий классик татарской литературы. Известным татарским писателем Гаязом Исхаки перед Первой мировой войной в Москве издавались татарские газеты «Иль» («Страна»), «Сюз» («Слово»). Благодаря возведению в Татарской слободе, в двух шагах от первой московской мечети, каменного четырехэтажного дома, ставшего исламским культурно-образовательным центром города, начинается настоящий расцвет национально-религиозного образования и просвещения мусульман в Москве. Дом для нужд мусульманского населения столицы, за которым впоследствии закрепилось название «дома Асадуллаева», был построен в 1913 г. на средства татарских предпринимателей Ерзиных, Маштаковых и купца первой гильдии и крупного нефтепромышленника Шамси Асадуллаева, который к тому же был собственником этого участка земли.

Начало второго десятилетия XX в. стало своеобразным рубежом в жизни мусульманской общины Москвы, которая все больше и больше выходила из состояния религиозной замкнутости и становилась активным субъектом городской жизни. Ставшая на ноги во многом благодаря многолетнему труду и усилиям ахунов из рода Агеевых, а также имама Бедретдина Алимова, мусульманская община города, состоящая из двух приходов и двух мечетей, не только превратилась во вторую по численности религиозную группу, но и стала довольно заметной и влиятельной общественной силой, с которой городские власти предпочитали поддерживать хорошие отношения и которой при случае оказывали подобающие знаки внимания. Присущее для городских властей в XIX в. открытое пренебрежение к требованиям мусульман уступило место сотрудничеству с руководством мусульман Москвы во благо интересов города. Поэтому, когда в 1913 г. скончался имам-хатыб Соборной мечети ахун Хайретдин-хазрат Агеев, городские власти в лице градоначальника Москвы и московского губернатора сделали все возможное, чтобы проводы старейшего муллы Москвы прошли с соответствующими почестями. Многие выходившие в Москве и Санкт-Петербурге газеты («Раннее утро», «Московский листок», «Утро России», «Столичная молва», «Московская газета», «Мусульманская газета» и др.) отмечали большие заслуги покойного в деле служения исламу и воспитания у «магометан» верноподданнических чувств государю императору. При этом особенно подчеркивалось, что отец и сын Агеевы отдали в общей сложности 100 лет этому благородному делу: Хайретдин-хазрат служил в мечети на Большой Татарской улице 40 лет, а его отец Рафик-хазрат был при ней муллой 60 лет.

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

После смерти Хайретдина-хазрата его место занял 35-летний мулла Абдулла Шамсутдинов, который был женат на старшей дочери Хайретдина Агеева Магире-ханум. По уровню религиозного образования и духовной подготовки зять Хайретдина-хазрата отвечал высоким требованиям, которые накладывала на имама-хатыба служба в Соборной мечети. В 1908 г., снискав заслуженную репутацию известного проповедника и богослова, он получает приглашение занять должность второго имама-хатыба в первой московской мечети, а затем, после смерти тестя, остается ее главным и единственным предстоятелем. Начало самостоятельной духовной деятельности в Москве Абдуллы-хазрата совпало с открытием мусульманской школы в доме Асдуллаева, налаживанию работы которой он посвятил много сил и времени. Одновременно в круг постоянных обязанностей Абдуллы-хазрата входило и преподавание основ ислама в медресе при мечети, где он нес службу.

С Москвой связана судьба тверского имама Хусаина Сеид-Бурхана, который с 1909 г. и вплоть до революции выполнял обязанности военного муллы Московского военного округа и преподавал в 1-м московском кадетском корпусе и Суворовском кадетском корпусе [22, с. 90]. Должность штатного муллы, учрежденная в российской армии еще в 1887 г. по просьбе муфтия Салимгарея Тевкелева, предполагала объезд всех частей, где служили мусульмане, присутствие на принятии присяги, беседы и проповеди перед военнослужащими, а также выполнение обрядов принятия в ислам, поминовение усопших и похороны по мусульманскому обычаю.

В эти годы Москва становится своего рода перевалочным пунктом для многих представителей татарской и мусульманской интеллигенции в целом, которые в ней останавливались

или подолгу жили. С Москвой связана судьба первой российской мусульманки, получившей диплом Сорбонны, Сары Шакуловой, которая в 1915 г. закончила физико-математический факультет Московского университета, генерал-майора артиллерии, литовского татарина Степана Туган-Барановского, младший брат которого, известный экономист и историк Михаил Туган-Барановский, прославился своими трудами по проблемам политэкономии и кооперативному движению в России, а его сын Лев Степанович принимал активное участие в Февральской революции и стал помощником главы Временного правительства А. Керенского.

В дореволюционной Москве можно обнаружить следы пребывания и проживания, например, такого известного татарского интеллектуала, как Муса Бигиев (1873–1949), судьба которого в равной степени связана как с Санкт-Петербургом, где он некоторое время был имамом, так и с Москвой, куда он часто навещался по делам службы, а в 20-е годы даже жил. Признанный знаток исламской богословской традиции, переводчик Корана на татарский язык, он не раз выступал в 1917–1918 гг. перед прихожанами московских мечетей. Блестящий полемист и сторонник всеединства известных единобожных религий, он снискал в среде образованных единоверцев репутацию «мусульманского Лютера». Ему принадлежат во многом революционные для его окружения идеи духовного содружества всех религий, сформулированные в знаменитой богословской теории о всеохватности Божьей милости («рахмат илахия гомумияте») [12].

Муса Бигиев сыграл заметную роль в организации и проведении Первого Всероссийского мусульманского съезда, который проходил в доме Асадуллаева с 1 по 11 мая 1917 г. Учитывая его высокий богословский авторитет и

поддержку значительной части делегатов, он был избран секретарем съезда и ему было оказано доверие в первый день работы сразу после чтения Корана выступить с приветственным словом перед 900 участниками и гостями съезда. Повышенный интерес к съезду обеспечило участие в нем 100 образованных мусульманок, которых столичная пресса назвала «звездной сотней». В работе съезда, которую подробно освещали ведущие столичные газеты, участвовала московская делегация мусульман во главе с председателем созданного в апреле Московского мусульманского комитета, известного общественного деятеля, журналиста и писателя Гаяза Исхаки (1878–1954). Многогранная деятельность Гаяза Исхаки, заслуживающая отдельного разговора, интересна прежде всего с точки зрения его политических пристрастий. Стоявший на платформе партии эсеров, Гаяз Исхаки в первый день работы съезда выступил с открытой критикой вступительной речи представителя Временного правительства кадета С.А. Котляревского, возглавлявшего Департамент инославных и иноверных исповеданий Министерства внутренних дел. В его приветственном слове прозвучала покоробившая многих делегатов съезда мысль о том, что проблемы мусульманских народов России исчерпываются вопросами только собственно религиозного плана и не должны касаться вопросов, например, внутренней политики или внутреннего государственного устройства. Иными словами, высокий правительственный чиновник, используя трибуну съезда, попытался «сверху» обозначить рамки его работы. Гаяз Исхаки отверг такую установку представителя Временного правительства, назвав ее «большой ошибкой», чем вызвал шумное одобрение зала, сопровождавшееся возгласами: «Правильно!

Молодец!» [20, с. 67]. В результате на рассмотрение съезда были вынесены все 10 вопросов, которые делегаты были готовы рассматривать и принимать по ним решения.

Присутствовавший на съезде русский публицист и журналист А. Тамарин под впечатлением всего увиденного написал, что «нынешнее российское мусульманство доросло до понимания тех форм правления, которые оно считает для себя приемлемыми, и в массе своей мусульманство не менее сознательно, чем, скажем, русский народ... Татары на Руси — не враги, а друзья, верные друзья, которые не нанесут удара в спину... России, а помогут ей... проложить путь к общему для всех российских народностей светлому и гордому будущему...» [44, с. 32].

ГЛАВА 4

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И СУДЬБА ИСЛАМА

После установления советской власти и особенно после решения Реввоенсовета во главе с Лениным о переносе столицы республики Москва становится не только политико-административным центром страны, но и своего рода центром паломничества мусульман с различных окраин России, а также Турции, Индии, Ирана, Афганистана, разделявших большевистские идеи революционного переустройства мира. В 1918 и 1919 г. в Москве проходят съезды коммунистов Востока, в 1921 г. – Всемусульманский конгресс, открывается кузница революционных кадров – Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), который был создан специальным декретом ВЦИК РСФСР и для краткости назывался Восточным университетом. С 1918 по 1931 г. в столице издавалась популярная среди московских татар газета на татарском языке «Эшче» («Рабочий»), с 1920 г. регулярно силами сотрудников Восточного университета начинает выходить идеологический журнал «Кзыл Шарк» («Красный Восток») – орган Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при РКП(б). Весной того же года при заинтересованном отношении советской власти лидерами мусульман бывшей Российской империи создается просуществовавшая совсем недолго полулегальная политическая организация «Иттихад

ве теракки» («Единение и прогресс»), российский клон некогда влиятельной в Турции партии младотурок, которая с 1908 по 1918 г. фактически находилась у власти и была ведущей политической силой в стране. Приехавший в августе 1920 г. по инициативе Сталина в Москву один из лидеров младотурок Энвер-паша (1881–1922) пытался заинтересовать большевистское руководство планами широкомасштабного мусульманского движения против Великобритании, которая удерживала в своих руках мусульманские святыни в Мекке и Медине.

Для подготовки специалистов по Востоку в 1921 г. в Москве указом В.И. Ленина был воссоздан Институт живых восточных языков имени Нариманова, который до революции назывался Лазаревским институтом живых языков, но в годы Гражданской войны распался. В 20-е годы в этом институте проходили подготовку национальные кадры, работавшие затем в таких международных организациях, как Профинтерн и Коминтерн.

В обстановке острого идейного размежевания со старым миром лидеры мусульманского сообщества России не могли оставаться безучастными к происходившим переменам и часто выступали с поддержкой советского правительства, которое на международной арене объективно было на стороне прав колонизированных мусульманских народов Востока. Выступая 30 июля 1920 г. на пятничной проповеди в мечети в Выползовом переулке, муфтий Галимджан Баруди, выбранный на этот пост решением I Всероссийского мусульманского съезда в мае 1917 г., открыто говорил: «В настоящее время весь мусульманский мир очень обеспокоен хозяйничаньем англичан в Стамбуле. Под их властью Египет и Сирия, Йемен и Хиджаз. Весь исламский халифат оскорблен, весь исламский мир уни-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

жен. Все мусульмане скорбят. Стамбул, исламский халифат — духовные прибежища, духовные опоры для мусульман, где бы они ни находились, здесь они находят утешение и черпают энергию. Поэтому я, как духовный глава и муфтий российских мусульман, выражаю протест по поводу тиранического господства там англичан. И вы, надеюсь, присоединитесь в этом ко мне...» Проповедь заканчивалась прямыми призывами поддержать советскую власть: «Кто поможет, кто явится освободить Турцию, Стамбул, священную эту землю от власти англичан? Кроме советского правительства, другого правительства сейчас не видно. От Советов этого ждут, и они, оправдывая ожидания, приступили к осуществлению намерения вырвать весь Восток из лап англичан. Мусульмане должны оказать Советам помощь в их стремлении. В этом деле нужно быть вместе с Советами» [7, с. 56].

В этих условиях активность двух мусульманских приходов, испытывавших разворачивавшуюся борьбу партии и комсомола на «безбожном фронте», заметно спала, но не остановилась. Имам Соборной мечети Абдуллахазрат Шамсутдинов, не выдержав тягот и голода, вынужден был на время оставить свою службу. Что касается второго мусульманского прихода, во главе которого продолжал трудиться ахун и имам-хатыб Габдельвадут Фатахитдинов, его значение благодаря вниманию муфтия Г. Баруди и частым визитам зарубежных послов заметно выросло. Это был человек, который не боялся трудностей и делал все от него зависящее, чтобы руководимая им мечеть была не только местом богослужений и отправления мусульманских обрядов, но и центром, где пересекались интересы многих деятелей мусульманской обществен-

ности и деловых кругов Москвы. Г. Баруди вспоминает о встрече с афганским визирем Валиханом, которая произошла 21 августа 1920 г. в 7 часов вечера в доме ахуна во дворе мечети в Выползовом переулке. За часом приготовленным домочадцами ахуна пловом и чаем муфтий во время двухчасовой беседы с визирем и сопровождавшими его лицами обсуждал текущие события в мусульманском мире и особенно интересовался мнением гостя о том, насколько приемлемы, например, «некоторые действия коммунистов» в отношении мусульман. «Если какие-то их правила будут неприемлемы, — читаем в дневнике ответ визиря, — то мусульманин может опираться на свою веру, действовать на основании своего вероучения». Другая актуальная проблема разговора касалась того, каким путем должно идти развитие ислама. «Самый лучший путь ислама, — пишет Г. Баруди, видимо, разделяя позицию афганского гостя, — это использование достижений европейской цивилизации и науки с сохранением духовных ценностей собственной религии» [7, с. 101]. В квартальной мечети в эти годы началась деятельность другого известного имама-хатыба Абдуллы-хазрата Сулейманова (Сулеймани), который попеременно с Г. Фаттахитдиновым читал пятничные проповеди.

Во второй половине 20-х годов на фоне все более заметного укрепления власти Сталина и разворачивавшейся кампании за усиление государственной безопасности и гражданской бдительности, получившей аномальный размах в 30-е годы, отношение к религии еще более ухудшается. Ислам начинает рассматриваться государством как сугубо внешний фасад режима, как чисто декоративный элемент его внешнеполитической деятельности, призванный поддерживать престиж СССР в общении с ара-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

бо-мусульманским миром, в котором идеи социального равенства и классовой борьбы находят благодатную почву и получают развитие в виде создаваемых при активном участии СССР антиколониальных движений.

Весной 1928 г., когда Москву с официальным визитом посетил афганский лидер Аманулло-хан, одна из ключевых фигур в восточной политике России в этом регионе, для встречи высокого гостя на московском вокзале был срочно вызван новый муфтий Риза Фахретдин, который на следующий день имел с ним долгую беседу.

В самом начале 30-х годов, после того как в Москве был взорван храм Христа Спасителя, построенный в память об избавлении России от нашествия Наполеона, борьба с носителями религиозных предрассудков и в целом против религии достигает своего апогея. Ее воплощением стала первая «безбожная пятилетка»: в стране в декабре 1930 г. объявляется о прекращении нейтрального отношения советской власти к религии и начинается новая, растянувшаяся на десятилетие кампания ликвидации «реакционного духовенства». Ее первой жертвой среди руководства московских мечетей становится имам-хатыб Абдулла Шамсутдинов, которого в 1930 г. арестовывают по сфабрикованному обвинению за участие в контрреволюционной и националистической деятельности. Проведя в застенках НКВД и подвалах Лубянки несколько лет, он в 1937 г. был расстрелян в Донском монастыре, а тело его затем кремировано. Годом раньше мечеть, где около двух десятилетий он нес службу, была закрыта и отдана в распоряжение городских властей. Вплоть до начала 90-х годов использовалась как военкомат, потом отделение ДОСААФ, типография... Мэр столицы Ю.М. Лужков вспоминал, что именно из этого военкомата его призывали в армию.

Предвоенное десятилетие — это сплошная череда репрессий, затронувших духовную элиту московских мусульман — упоминавшегося Абдуллу Шамсутдинова и имамов квартальной мечети по Выползову переулку Абдульвадуда Фаттахитдинова и Абдуллу Сулеймани, судьба и жизнь которых, таящая еще много неизвестного, также оказалась трагичной.

В 1936 г. после закрытия первой московской мечети вторая мечеть получила новый городской статус — Московская соборная мечеть — и осталась сначала единственной в Москве, а затем, после того как в Ленинграде в 1939 г. была закрыта Кафедральная мечеть, последним сохранившимся мусульманским храмом в европейской части СССР.

В условиях, когда огромная пропагандистская государственная машина работала на советизацию и атеизацию общества, вера в сознании людей тем не менее продолжала занимать свое важное, пусть и потаенное место. Журнал «Безбожник» от 10 марта 1934 г., приводя примеры по фабрично-заводским и средним учебным заведениям Москвы, рапортовал о проделанной антирелигиозной работе, косвенно признавая ее безуспешность: «В школе аффинажного завода во время уразы постились 13 ребят. После беседы, проведенной безбожниками, остались поститься сначала трое, а потом один. В 17-й школе Замоскворецкого района постились 20 школьников...» [26, с. 36–37].

Перед началом Второй мировой войны, когда деятельность Уфимского духовного управления в результате сталинских чисток оказалась полностью парализованной, а значительная часть мусульманской элиты погибла в застенках НКВД и лагерях, единственным напоминанием об исламе для миллионов советских мусульман и зарубежных гостей была Московская соборная мечеть. Она, как и не-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

сколько сохранных от рук «воинствующих безбожников» столичных православных храмов, нужна была Сталину из сугубо политических соображений. В декабре 1936 г. была принята «сталинская» Конституция СССР, где содержалось положение о праве граждан свободно исповедовать любую религию. Для советской пропаганды располагавшаяся в нескольких километрах от Кремля мечеть была большим козырем для демонстрации торжества подлинной свободы совести в СССР.

Перед войной в Московской соборной мечети началась многолетняя духовная деятельность Ахметзян-хазрата Мустафина (1902—1986), прекрасная религиозная подготовка которого позволила ему снискать уважение среди оставшихся мусульман города и администрации мечети, которую продолжал возглавлять имам-хатыб Халиль-хазрат Насретдинов (1890—1964). Выросший в семье потомственных имамов, Ахметзян-хазрат до революции успел пройти полный курс исламских наук в казанском медресе «Мухаммадия», затем продолжил образование у известного богослова Хамидуллы-хазрата Альмушева (1855—1929), имама мечети деревни Петряксы в Нижегородской области. Какое-то время в 30-е годы он после женитьбы вместе с женой учился в Казанском педагогическом институте, но, не закончив учебу из-за бытовых и материальных проблем, в 1940 г. переехал в Москву¹. Тогда же приступил к работе земляк и в дальнейшем близкий соратник Ахметзян-хазрата Мустафина Риза-хазрат Басыров (1907—1994), ставший благодаря своим знаниям (он также был из семьи деревенского муллы) и, главное, человеческой открытости и готовности всегда прийти на помощь авторитетным человеком в жизни мечети в Выползовом переулке.

¹ Ислам Минбаре. 1999. № 9. С. 5.

ГЛАВА 5

ИСЛАМ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: 40–80-Е ГОДЫ

Отечественная война заставила сталинский режим, кровно заинтересованный в скорейшей консолидации всех сил общества, пересмотреть отношение к религии. Как и в годы Первой мировой войны, российские мусульмане – татары, башкиры, узбеки, народы Северного Кавказа – влились в ряды защитников Родины, забыв все свои обиды – и национальные, и связанные с унижением их веры. Мобилизующее их чувство патриотизма, которое у многих было в крови, оказалось сильнее всех лишений и потерь, нанесенных советской властью в годы сталинских репрессий и чисток. Значительную часть 28 героев-панфиловцев, преградивших осенью 1941 г. путь фашистским танкам на Москву, составляли этнические мусульмане – казахи и киргизы. После снятия осады медали «За оборону Москвы» за проявленное мужество и патриотизм были награждены десятки московских мусульман. Звания Героя Советского Союза за боевые подвиги под Москвой были удостоены 10 воинов – сыновей мусульманских народов СССР.

Московская соборная мечеть в военные годы всеобщей мобилизации стала центром духовного притяжения для многих десятков ты-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

сяч мусульман, живших в столице и за ее пределами: занятых на промышленных объектах рабочих, ополченцев, фронтовиков, раненых бойцов и работников тыла. Патриотическая деятельность возрожденного Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) и его нового муфтия Габдеррахмана Расули (ум. 1950) приобрела первостепенную важность. В Обращении представителей мусульманского духовенства к верующим по поводу немецко-фашистской агрессии, принятом на съезде в мае 1942 г. в Уфе 12 представителями мусульманского духовенства СССР и подписанном в том числе имамом-мухтасибом г. Москвы Халиль-рахманом Насретдиновым, содержались призывы отстаивать независимость СССР.

Мусульмане Москвы приняли участие в сборе денежных средств для помощи фронту, что было отмечено благодарностью И.В. Сталина. В телеграмме, адресованной руководству мечети, говорилось: «Прошу передать верующим мусульманам Москвы, собравшим пятьдесят тысяч рублей деньгами и двадцать тысяч шестьдесят рублей облигациями госзаймов на постройку танковой колонны, мой привет и благодарность Красной Армии. И.В. Сталин» (1944 г.).

Именно в разгар Великой Отечественной войны по его инициативе начался постепенный процесс легализации ислама, который был насильственно прерван в конце 20-х годов. В 1945 г. впервые за 20 лет в Москве на татарском языке арабским шрифтом была издана книга с изложением основ ислама, которая называлась «Ислам дине» («Ислам»). Ее автором был муфтий Габдрахман Расули. Более десяти лет она была единственным изданием, ставшим настольной книгой многих мусульманских семей, по которой взрослые и дети учились обязанностям правоверного му-

сульманина. Лишь в 1957 г. в Уфе на татарском языке увидела свет новая богослужбная книга Ш. Хиялетдинова «Ислам и богослужение», который в 1951 г. стал преемником Габдрахмана Расули на посту председателя ЦДУМ.

Изучая архив Совета по делам религиозных культов за 40–50-е годы, видишь, что имамы Московской соборной мечети и члены его исполнительного органа (так называемой двадцатки) часто принимали официальные делегации из арабских стран, участвовали на приемах в посольствах арабо-мусульманских стран, аккредитованных в то время в столице, согласовывали списки выезжающих на хадж и учебу в Египет в «Аль-Азхар». Большую активность в этом проявляли Исмаил-хазрат Муштари, занимавший пост первого имама Московской соборной мечети вплоть до конца 1955 г., и председатель ее исполнительного органа Хамза Айсин.

В обстановке расширения сфер влияния, связанного с острым соперничеством двух политических систем, Москва в 50–60-е годы стремилась продемонстрировать привлекательность собственного опыта строительства социализма в СССР. Посещение Московской соборной мечети лидерами национально-освободительных движений и главами дружественных афро-азиатских стран стало неким обязательным ритуалом их пребывания в советской столице. При Ахметзяне-хазрате Московскую соборную мечеть посещали первый президент Индонезии Сукарно (1956), наследный принц Йеменского Королевства эмир Сейф аль-Ислам Мухаммед аль-Бадр (1956), президент Египта Гамаль Абдель Насер (1958), руководитель ливийской революции Муаммар аль-Каддафи (1969), парламентские делегации афро-азиатских государств.

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

В 60–70-е годы, исходя из чисто пропагандистских задач и целей, государство продолжало осуществлять известную практику привлечения мусульманских религиозных деятелей к участию в международных акциях СССР по упрочению престижа страны. В 1962 г. в рамках проходившего в Москве Всемирного конгресса за мир и разоружение муфтии приняли участие во встрече религиозных деятелей, посетивших в эти дни столицу. На второй конференции представителей всех религий СССР в 1969 г. широко обсуждались вопросы религиозной ответственности глав традиционных конфессий за сохранение мира и сотрудничество в стране и за рубежом.

В июне 1977 г. Московская соборная мечеть вновь на время оказалась в центре общественного внимания. В столице была организована всемирная конференция «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами», на которую из 107 стран приехали около 700 видных представителей всех мировых религий. Было много гостей из афро-азиатских государств, представлявших на конференции крупные мусульманские общины и духовно-образовательные центры. Делегацию Духовного управления мусульман европейской части СНГ и Сибири (ДУМЕС) возглавлял бывший имам Ленинградской мечети, избранный в 1975 г. муфтием, Габдельбари Исаев.

Особый «политический» статус Московской соборной мечети сыграл, возможно, решающую роль, когда во второй половине 70-х годов возникла угроза ее существованию. Это было связано с решением Международного олимпийского комитета (МОК) о проведении в 1980 г. в Москве XXII Олимпийских игр. Когда правительством было принято решение о возведении в непосредственной близости от Соборной ме-

чети олимпийского спорткомплекса, в градостроительном совете города стали раздаваться голоса о том, что соседство двух разных по стилю и времени возведения сооружений создаст невыгодный образ «образцового коммунистического города». Тогда перед общиной, которая наблюдала, как на близлежащих улицах сносились все двухэтажные дома, впервые ребром встал вопрос о возможном сносе мечети. Уполномоченные совета активно изучали мнение членов исполнительного органа мечети — «двадцатки» и ее имамов о переносе мечети в другое место, что, естественно, для прихожан со стажем звучало кошунственно: мечеть, пережившая самую страшную полосу в истории страны — 20–30-е годы, могла быть снесена в угоду новой политической конъюнктуры. Именно в это время твердую и решительную позицию заняла мусульманская общественность Москвы, где не последнюю роль сыграли послы арабо-мусульманских стран, аккредитованные в столице, категорически выступившие против планов сноса мечети. В конце концов, взвесив все возможные последствия, власти приняли решение не трогать мечеть, ставшую для верующих настоящей мусульманской реликвией.

В 1987 г. старейший член общины Ризаутдин-хазрат Басыров представил прихожанам Московской соборной мечети нового молодого имама, 28-летнего Равиля Гайнутдина, который до того сумел уже поработать имамом в Казанской соборной мечети «Нур Ислам» и ответственным секретарем ДУМЕС в Уфе. Особенно плодотворным было время его работы в ДУМЕС в 1984–1987 гг., когда многие текущие вопросы решались на уровне ответственного секретаря. Новый имам очень быстро сумел завоевать авторитет у рядовых верующих и членов «двадцатки». Его отличало искреннее желание служить исламу, быть по-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

лезным своим прихожанам и делиться с ними знаниями. Уже через год Равиля-хазрата единогласно выбрали на должность главного имам-хатыба – настоятеля Московской соборной мечети. Одновременно при мечети были открыты курсы по изучению арабского языка и ритуальной практики, которые к 1989 г., ввиду проявленного к ним интереса со стороны мусульман столицы и области, переросли в медресе. К мечети потянулись все, кто стремился научиться читать Коран самостоятельно и узнать больше о своей религии: и 7-летние школьники, и 77-летние старики и старухи, кому не довелось раньше постичь эту грамоту. Началась новая веха в истории московских мусульман, которая совпала с грандиозными переменами, происходившими в жизни огромного государства.

ГЛАВА 6

ИСЛАМСКИЙ БУМ В МОСКВЕ

Последнее десятилетие XX в. для мусульманского сообщества Москвы, которое значительно увеличилось за счет вынужденных переселенцев и рабочих-мигрантов из Азербайджана, центральноазиатских государств и северокавказских республик, а также стран дальнего зарубежья (Афганистан, Бангладеш, Турция), было ознаменовано новым всплеском интереса к исламу и культуре мусульманских народов, живущих в Москве, а также оживлением связей с единоверцами из арабо-мусульманских стран. В авангарде этих процессов шла татарская община, самая древняя и одновременно наиболее консолидированная по сравнению с другими мусульманскими этническими группами Москвы. Благодаря совместной работе национальных общественных организаций московских татар «Туган як» («Родная сторона»), «Туган тел» («Родной язык») и поддержке Московской соборной мечети еще в феврале 1989 г. в актовом зале Дома Асадуллаева, который принадлежал МИДУ, состоялся юбилейный вечер, посвященный 75-летию основания Татарского общественного культурного центра в Москве (1914–1989). Это была первая за многие годы встреча татарской московской интеллигенции, собравшая широкий круг заинтересованных лиц – ученых с мировым именем (академика К.А. Валеева, члена-корреспондента Ф.А. Асадуллин *Ф.А. Ислам в Москве*

респондента Э.Р. Тенишева, профессора З.М. Фатхутдинова) и деятелей национальной культуры и искусства, а также служителей культуры. На этом памятном мероприятии прозвучали интересные сообщения об основании и первых годах деятельности Дома Асадуллаева, участии Мусы Джалиля в работе Татарского культурного центра в 20–30-е годы, выступили его бывшие воспитанники, рассказавшие о довоенном периоде деятельности культурного центра. Собрание единогласно поддержало идею обратиться к московским властям с просьбой о возвращении Дома Асадуллаева татарской обществу.

Важным этапом объединения народов Дагестана послужило создание в феврале 1989 г. Московского центра культуры «Дагестан», президентом которого был избран известный хирург М. Абдулхабиров. В 1992 г. в столице было открыто постоянное представительство Республики Дагестан. В федеральных органах власти появились известные представители дагестанского народа – Г. Абдулатипов, А. Микитаев, Г. Гаджиев.

В середине сентября 1990 г. во время официального визита в Москву правительственной делегации Саудовской Аравии во главе с министром иностранных дел Саудом аль-Фейсалом Московскую соборную мечеть посетили члены делегации, которые интересовались ее деятельностью и были поражены тем, что в Москве на миллион мусульман есть только одна мечеть.

Учитывая сложное экономическое положение в СССР, мусульманам столицы была оказана гуманитарная помощь, организованная благотворительным фондом «Ибрагим бен Ибрагим», первой международной мусульманской организацией, получившей аккредитацию в Москве. Визит саудовской делегации

после полувекового застоя в межгосударственных связях способствовал как началу знакомства с единоверцами из Саудовской Аравии, так и нормализации дипломатических отношений, которые окончательно были восстановлены уже через год.

В ноябре 1990 г. на базе Московской соборной мечети по инициативе мусульманских общин Подмосковья, Твери, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода и Нижегородской области был создан Исламский центр Москвы и Московской области, главной целью которого была консолидация деятельности мусульманских общин Центрально-Европейского района. Его президентом был избран Равиль Гайнутдин, благодаря настойчивости которого начался процесс возвращения мусульманам Соборных мечетей Твери и Ярославля, а также Исторической мечети Москвы. В октябре 1991 г. мусульманам Замоскворечья, которые объединились в исламское общество «Бейт Аллаха» («Дом Аллаха»), была возвращена Историческая мечеть, а в 1992 г. мусульмане Твери и Ярославля стали законными хозяевами своих долгое время пустовавших храмов.

Одновременно в Москве начал действовать руководимый Абдуль-Вахедом Ниязовым Исламский культурный центр, ставший молодежным крылом Исламского центра столицы. С реализации грандиозного проекта по созданию в Нижегородской области религиозно-культурного центра начало свою многолетнюю деятельность религиозное объединение мусульман «Медина» во главе с крупным предпринимателем и меценатом Фаизом Гильмановым, который уже в августе 1992 г. на родине своих предков в деревне Мядана передал верующим спроектированную архитектором Ильясом Тажиевым огромную соборную мечеть, медресе и административно-гостиничный комплекс.

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

С целью объединения «сознательных мусульман» летом 1990 г. была создана Исламская партия возрождения, исполнительный орган которой был размещен в Москве. Главной ее целью было сделать исламские предписания достоянием широкой российской общественности, используя для этого открывшиеся с демократизацией российского общества новые возможности. Один из ее лидеров, Валиахмет Сагур, объясняя выбор Москвы в качестве места размещения руководящих органов партии, писал: «К сожалению, тогда только политическая обстановка в Москве предоставляла возможность для справедливого выражения интересов всех мусульман страны»¹. На выбор Москвы могло повлиять и другое, не менее важное обстоятельство: часть руководства партии в лице самого Сагура, Мухаммада Салахетдина и Гейдара Джемаля сами являлись москвичами.

С целью изучения ислама в Москве, Ленинграде и Казани создаются неформальные кружки мусульманской молодежи, как, например, «Саф ислам» («Чистый ислам»), возглавил который московский общественный деятель Мухаммад Салахетдин, а также организованный арабскими студентами «Аль-марказ аль-ислами» («Исламский центр»), который возглавил суданский аспирант-медик Осман Мансур.

Значительные импульсы, стимулировавшие интерес к исламу, продолжали исходить от научной общественности, которая, почувствовав востребованность их знаний и опыта, бурлила новыми идеями. На базе Института востоковедения инициативной группой арабистов было осуществлено издание научно-просветительской газеты «Узы» («Россия и Арабский Вос-

¹ См. Исламский фактор // Диа-Логос (альманах). Религия и общество. М.: «Истина и жизнь», 1997. С. 225.

ток», в 1991 г. вышло два номера), было создано Общество по изучению творчества крупнейшего исламского мыслителя современности Мухаммада Икбала (1873–1938). По инициативе редакции «Литературной газеты» и с привлечением крупных ученых-востоковедов и исламоведов вышел специальный выпуск, посвященный Корану, «Великая книга – всегда и сегодня»¹. Летом 1991 г. с целью объединения усилий научных и религиозных кругов Москвы между руководством Исламского центра и Институтом востоковедения был подписан Протокол о намерениях, предусматривавший оказание взаимных консультативных услуг и взаимной помощи в реализации научно-образовательных программ.

С созданием в Москве Исламского центра заметно активизировались связи и контакты с мусульманскими общинами других регионов бывшего СССР. В июле 1991 г. делегация ДУМЕС и Исламского центра Москвы по приглашению Общества литовских татар участвовала в торжествах, посвященных 600-летию со дня образования в Литве татарской общины.

Во второй половине 1991 г. Исламский центр оказался вовлечен в разрешение сложной политической ситуации, которая складывалась вокруг Чечни. В конце ноября Равиль-хазрат Гайнутдин, видя, что в Москве некоторые столичные СМИ раздувают слухи о том, что неизвестные чеченцы собираются превратить Москву в «зону национального бедствия», предпринял миротворческую поездку в Грозный. Это был очень смелый по тем временам шаг, который некоторые члены мусульманской общины, опасаясь за его жизнь, одобрили скрепя сердце. Настояв на своем, Равиль-хазрат отправился в республику, где обстановка была уже накалена

¹ ЛГ-Досье. 1991. № 7.

и все говорило о том, что Чечня стоит на пороге крупных политических событий. 20 ноября в правительственной резиденции на центральной площади Грозного состоялась памятная встреча с президентом не признанной тогда Чеченской Республики Джохаром Дудаевым. В беседе, которая продолжалась около 40 минут, Джохар Дудаев, одетый в форму бойца спецназа и без генеральских погон, делился своими планами относительно суверенитета Чечни, подчеркивал важность ислама в наведении порядка и спокойствия в республике, сетовал на кремлевских политиков, которые «только говорят и руководят, но не слушают». Пока шел разговор, в ходе которого Равилю-хазрату пришлось объяснять некоторые богословские вопросы, касающиеся, например, джихада и отношения мусульман к последователям других вероучений, обращение было составлено и Джохар Дудаев, просмотрев его, расписался и передал имаму. На прощание Джохар Дудаев и Равиль-хазрат по-братски обнялись. Запомнились последние слова чеченского президента: «Кончится вся эта возня вокруг Чечни, мы еще увидимся».

По возвращении из Грозного 22 ноября 1991 г. в здании Московской соборной мечети для столичной общественности и представителей СМИ была дана пресс-конференция, на которой было обнародовано обращение главы Чеченской Республики к гражданам Москвы. Результаты миротворческой миссии Равиля Гайнутдина в Чечню практически никак не были востребованы российской властью, которая, по существу, проигнорировала жест доброй воли московских мусульман по умиротворению чеченской проблемы.

6 декабря, вслед за открытием в Эр-Рияде советского посольства, в Москве впервые за историю советско-саудовских отношений открылось посольство Саудовской Аравии, во главе

которого был влиятельный дипломат и политик, этнический узбек Абд аль-Азиз М. Ходжа. Одним из самых первых мероприятий нового посла было знакомство с президентом Исламского центра Москвы Равилем Гайнутдином и посещение с этой целью Московской соборной мечети. Этому знакомству суждено было сыграть большую роль как в налаживании внутриисламских духовных отношений, так и в развитии и упрочении связей нашего государства с Саудовской Аравией.

Одинаковое понимание необходимости способствовать сближению двух народов, которых к тому же объединяла общая религия, делала эти встречи очень насыщенными с точки зрения обсуждаемых вопросов. В центре этих бесед, которых за время пребывания Абд аль-Азиза М. Ходжи в Москве было более двух десятков, — и в посольском здании в 3-м Непалимовском переулке, и в Московской соборной мечети — обсуждались вопросы, касающиеся организации паломничества к мусульманским святыням в Мекке и Медине, конкретной материальной помощи обедневшим в результате либерализации цен семьям рядовых мусульман, открытия в Москве саудовской школы, поддержки ученых-исламоведов, проведения совместных торжеств, посвященных праздникам Ураза-байрам и Курбан-байрам. Когда осенью 1991 г. Исламский центр начал подготовку к проведению впервые в истории российской уммы хадж-умры — малого паломничества, посольство Саудовской Аравии сделало все возможное, чтобы российским паломникам из Москвы, Уфы, Казани, Кузнецка и других городов и регионов страны были созданы благоприятные условия для решения всех необходимых формальностей.

Для руководства Исламского центра Москвы проведение надлежащим образом этого

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

важного общероссийского мероприятия было еще одним экзаменом на состоятельность. Вокруг Равиля Гайнутдина, авторитет которого с 1987 г. заметно вырос, постепенно концентрировалась не только столичная и областная мусульманская общественность, но и многие региональные мусульманские организации, которым для выполнения своих проблем стало проще обращаться к московским единоверцам, а не ехать в Уфу. Именно в это время в силу целого ряда объективных причин Москва стала приобретать значение официального духовного центра мусульман Российской Федерации, куда за консультациями в начале 90-х годов не раз обращались советники Б. Ельцина Геннадий Бурбулис и Сергей Станкевич, председатель Комитета Верховного Совета России по свободе совести Вячеслав Полосин, председатель Верховного Совета Российской Федерации Руслан Хасбулатов, председатель Совета министров Е. Гайдар и вице-премьер С.М. Шахрай.

Довольно быстро из числа активистов Исламского центра, религиозных деятелей и общественников из Казани, Уфы, Самары, Кузнецка и других городов СНГ была укомплектована делегация паломников. Все расходы по организации чартерного рейса Москва – Джидда – Москва для 135 паломников и их пребывания в Саудовской Аравии взял на себя известный татарский предприниматель и меценат Анис Мухаметшин. Специально по особому распоряжению Равиля Гайнутдина в качестве поощрения за помощь в деятельности Московской соборной мечети и в целом за большие научные заслуги в хадж-умру были приглашены уникальный специалист в области изучения арабских рукописей Анас Халидов, переводчик Корана на русский язык Нури Османов, исследователь арабо-мусульманской

философской мысли Артур Сагадеев и знаток исламского искусства Шариф Шукуров.

Паломничество к мусульманским святыням в Мекке и Медине для большинства мусульман стало по-настоящему важным событием. Такие известные на всю страну деятели, как философ Нурали Латыпов и депутат Верховного Совета Мурад Заргишиев, получив значительный духовный заряд в Мекке и Медине, смогли в 90-е годы много сделать для привнесения в общественную жизнь страны новых подходов в осмыслении ислама и традиций мусульманских народов. Московский мусульманин Хайдар Мусин через несколько лет после возвращения из умры в своей книге доказал правильность предложенной им методики точного определения киблы – направления на Каабу, которое соблюдается во время совершения молитвы. Из числа паломников, работавших или активно сотрудничавших с Соборной мечетью, а именно Муниры Агеевой, Шамиля Аляутдинова, Рустама Ахтямова, Халиды Бедретдиновой, Ясиры Бедретдиновой, Дамира Гизатуллина, Мирзы Мухаметшина, Рашида Низаметдинова, Рифата Османова, Жяфара Файзрахманова, Рената Фехретдинова, Талаата Хабибуллина и Атауллы Хамидуллина, совершивших вместе малый хадж в начале января 1992 г., оформился в дальнейшем основной костяк Исламского центра Москвы, а затем Духовного управления мусульман европейской части России (ДУМЕР).

ГЛАВА 7

РЕЛИГИОЗНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО МУФТИЯТА

Процесс легитимизации религиозной жизни, начатый демократами первой волны, набирал силу. Б. Ельциным и его окружением была инициирована программа широкой поддержки традиционных для народов России религий, особо пострадавших в советский период. В 1992 г. впервые решением Верховного Совета Российской Федерации в проект Закона о бюджете на четвертый квартал были включены средства на восстановление и реставрацию объектов национального наследия. В этот список попал и ряд российских мечетей.

Начиная с 1992 г. из Московской Соборной мечети на всю страну стали вести прямые телепередачи религиозных праздников мусульман – Ураза-байрам и Курбан-байрам, что придало главному мусульманскому храму столицы особый всероссийский статус. Одновременно силами сотрудников Исламского центра и энтузиастами-учеными на Российском радио еженедельно на татарском языке начинает выходить религиозно-просветительская передача «Рухи мирас» («Духовное наследие»), а на Центральном телевидении на регулярной основе – раз в месяц – «Минарет», рассказывавшая о жизни мусульман Москвы и Подмосковья, и

Глава 7. Религиозная и общественная деятельность...

межконфессиональная передача «Ныне». Религиозная проблематика, которая поднималась представителями православия, ислама и иудаизма в телепередаче «Ныне», в определенной степени подготовила почву для объединения их усилий в форме межрелигиозного совещательного органа, каким в 1998 г. стал Межрелигиозный совет России.

Процессы суверенизации, происходившие в национальных республиках России, не могли не оказать влияния на характер религиозной жизни мусульман. Она, как и в начале века, в условиях гарантированных государством религиозных свобод вернулась в свое привычное русло и заняла законное место в общественной жизни страны, притягивая к себе все новые слои этнических мусульман и людей, занятых вопросами богоискательства. Период с 1993 по 1998 г., богатый на события и внутренние катаклизмы в Российском государстве и его столице, прошел под знаком новых духовных свершений, в корне преобразивших жизнь мусульманского сообщества Москвы. Столица, следуя логике развития любого современного европейского мегаполиса, превращалась в стремительно растущий многонациональный и поликонфессиональный город, мусульманская составляющая которого за эти годы укрепилась настолько, что Москва, с учетом населявших ее исстари коренных и приезжих мусульманских этносов, стала считаться самым крупным мусульманским городом России. Этому, помимо собственно миграционно-демографических процессов, воздействие которых продолжается и по сей день, а также столичного статуса города со всеми вытекающими отсюда последствиями, в значительной степени способствовала активность самой мусульманской общественности и Исламского центра Москвы, в деятельности ко-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

тогого участвовали посольства арабо-мусульманских стран, аккредитованные в Москве, и прежде всего Саудовской Аравии, Ирана, Египта, Ливии и Малайзии.

Именно благодаря согласованным мерам Исламского центра и посольств Египта, Саудовской Аравии, Турции, Ливии, Катара и Сирии начиная с 1992 г. Московская соборная мечеть приступила к программе подготовки молодых религиозных кадров в учебно-образовательных центрах этих стран, а также СНГ. В них прошли религиозную подготовку десятки молодых людей, возглавивших позднее местные приходы Москвы и Подмосковья. Примерно с этого времени русский язык наравне с татарским становится языком пятничных проповедей во всех мечетях столицы, что было вызвано значительным расширением мусульманских этносов, для которых русский язык был единственным средством межнационального общения.

Участие признанного лидера арабского мира – Саудовской Аравии – и других исламских государств в общественной жизни московских мусульман проявилось также в открытии в 1992 г. неправительственного научно-исследовательского учреждения – Института исламской цивилизации и Университета мусульманской культуры, который в короткое время стал массовым учебным заведением открытого типа. В марте 1993 г. в Москве для всех желающих москвичей открылась саудовская школа, где на арабском языке преподаются общеобразовательные, а также некоторые специальные религиозные дисциплины. В саудовской школе сегодня обучаются более 400 детей, родители которых являются коренными москвичами и работниками дипломатических представительств и миссий. Неоценимую роль в предоставлении регулярной помощи нуждающимся

мусульманам стал оказывать первый в России международный исламский благотворительный фонд «Ибрагим бен Абдульазиз Аль Ибрагим», в уставе которого прямо указывалась важность «отведения угрозы бедности от мусульман». По спискам фонда, согласованным с Исламским центром, начиная с 1993 г. тысячи одиноких и немощных мусульман столицы стали получать ежемесячные дотации и продовольственную помощь. Деятельность фонда имела разнообразный и многопрофильный характер, и вплоть до закрытия в 2001 г. его руководство успело реализовать большинство запланированных учебно-издательских и религиозно-просветительских проектов, пользу от которых могли реально почувствовать миллионы мусульман столицы и многих регионов России.

В мае 1993 г. на Большой Татарской улице вновь открылась, возможно, самая главная реликвия московских мусульман — Историческая мечеть в бывшей Татарской слободе. Община мусульман Замоскворечья, получившая ордер на здание мечети еще в начале 1991 г., стала полноправным хозяином своего храма сразу после капитального ремонта, который был осуществлен саудовской стороной — при координации посольства Саудовской Аравии в Москве и финансовой помощи министра Саудовской Аравии шейха Ибрагима Анкари.

По мере роста авторитета Исламского центра, увеличения круга решаемых им собственно религиозных и социально значимых для мусульман вопросов, участия в урегулировании государственно-религиозных отношений Равилю-хазрату от региональных общин и московских мусульман стали поступать предложения об изменении статуса центра и создании на его базе Духовного управления мусульман. Это был очень ответственный и ко многому обязывающий руководство Исламского центра шаг.

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

Впервые за многовековую историю Российского государства в Москве, имевшую уже свои сложившиеся духовные традиции и сформировавшийся религиозно-культурный облик, предстояло создать централизованную духовно-административную исламскую структуру со всеми вытекающими отсюда обязательствами перед государством и мусульманами. В 1993 г. в самой Москве, кроме двух мечетей и действовавших вокруг них общин, уже работали религиозные объединения мусульман «Аль-Каусар», «Джамийату-ль-муслимин», «Муххаммадияр», а также мусульманские общественные организации «Исламский конгресс» во главе с Мухаммедом Салахетдином и «Исламский комитет» во главе с Гейдаром Джемалем.

Осенью 1993 г. во многом благодаря налаженным контактам и конструктивному взаимодействию с правительством Москвы после встречи с мэром Ю.М. Лужковым было принято принципиальное решение о строительстве Мемориальной мечети на территории комплекса парка Победы.

29 января 1994 г. в здании Московской Соборной мечети состоялось учредительное собрание глав и представителей мусульманских общин Москвы, а также Московской, Ивановской, Нижегородской, Тверской, Калининградской и Ярославской областей, которое постановило создать Духовное управление мусульман Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР) – Московский муфтият. Его председателем был выбран Равиль Гайнутдин, а его заместителем – Умар Идрисов, имам-хатыб Нижегородской соборной мечети. 20 марта, после окончания месяца Рамадана, в киноконцертном зале «Октябрь» в присутствии представителей Администрации Президента России, членов правительства Российской Федерации, Государственной думы, глав тради-

ционных религий, а также послов арабо-мусульманских стран прошла презентация Московского муфтията. Вечер, который вел муфтий Равиль Гайнутдин, прошел в необычайно торжественной и праздничной атмосфере. С приветственным словом выступил министр иностранных дел России Андрей Козырев, который, от имени правительства поздравив с созданием в столице Московского муфтията, отметил вклад руководства мусульманской общины Москвы и лично муфтия Равиля Гайнутдина в поддержку внешней политики России своим участием в «международных походах в страны мусульманского Востока». «Это укрепляет духовные связи, являющиеся важным фоном в отношениях нашей великой Родины со многими нашими соседями, — отметил он, — будь то мусульманские или светские государства, но с сильным присутствием мусульманского фактора, как Россия»¹. В своем выступлении министр по делам национальностей и региональной политике Сергей Шахрай, которого муфтий Гайнутдин представил как «конструктора новых национальных отношений в стране», призвал представителей ислама и православия «не позволить столкнуться две самые крупные конфессии страны», как это случилось в бывшей Югославии. С очень проникновенными словами выступил митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, который отдал должное этому историческому событию в жизни мусульман не только Москвы, но и всей России. Его поддержали главный раввин России Адольф Шаевич, министр по делам религий Турции Нури Йелмаз, шейх-уль-ислам Талгат Таджутдин и заместитель руководителя аппарата Правительства России Андрей Себенцов.

¹ Газета «Сюз» («Слово»). 1994. № 3. С. 4.

Создание Московского муфтията совпало с принятием 12 декабря 1993 г. новой Конституции Российской Федерации. В ней содержались принципиально новые положения демократического государства, каким объявлялась Россия, относительно прав своих граждан по признакам расовой, национальной и религиозной принадлежности, гарантировалась свобода совести и свобода вероисповедания, а также запрещалась пропаганда национального и религиозного превосходства. В своем докладе председатель нового Духовного управления муфтий Равиль Гайнутдин, исходя из задач, стоящих перед Московским муфтиятом, попытался сформулировать отношение мусульман к новой общественно-политической реальности, в которой многомиллионная мусульманская община должна была занять достойное, адекватное своей роли во внутригосударственной жизни место. Интересы ислама и других традиционных религий, как и интересы многонационального Российского государства, должны были быть едины в выражении главной общенациональной ценности, какой муфтию представлялось поддержание межрелигиозного мира. «Духовное управление намерено предпринять конкретные шаги, направленные на установление постоянного диалога между мусульманами и другими верующими, с духовенством других конфессий, — подчеркнул Равиль-хазрат. — Естественно, первоочередное внимание мы, с учетом нашего региона, уделим диалогу с Русской православной церковью»¹.

С организационным оформлением Московского муфтията в религиозной жизни мусульман произошли большие перемены. На его базе начиная с 1994 г. стала выходить ежемесячная газета «Ислам Минбаре» («Трибуна ис-

¹ Газета «Сюз» («Слово»). 1994. № 3. С. 3.

лама», ответственный редактор Талип Саидбаев), был создан исламский колледж (ректор Марат Муртазин) и произведен первый набор туда мусульманской молодежи из Москвы, Пензы, Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Полученный юридический статус позволил на новой правовой основе выстраивать отношения с федеральным и городским правительством, а также с такими госорганами, как Министерство юстиции, Министерство культуры и Министерство по делам национальностей Российской Федерации. Благодаря этому удалось активизировать религиозную жизнь и добиться признания и поддержки местными органами власти мусульманских общин в ряде городов Подмосковья – Щелково, Орехово-Зуево, Егорьевске. В самой Москве были зарегистрированы новые общины «Ярдям», «Минарет» и «Рахма», под руководством архитектора Ильяса Тажиева продолжались архитектурно-проектные работы по строительству Мемориальной мечети, одновременно завершались строительные работы по вводу в эксплуатацию трехэтажного здания учебно-административного корпуса, где в настоящее время размещены все службы Московского муфтията и Совета муфтиев России.

Большую роль в упрочении престижа нового духовного управления сыграли встречи с духовным главой буддистов Далай-Ламой, главой Палестины Ясиром Арафатом, переговоры с делегацией министров иностранных дел стран – членов организации «Исламская конференция» (ОИК) во главе с ее генеральным секретарем доктором Хамидом аль-Габидом, которые проходили в мае 1994 г. Летом делегация Московского муфтията совместно с высокими гостями из Турции, Саудовской Аравии и Ирана принимала участие в торжествах, приуроченных к открытию новых мечетей

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

в Нижегородской области – в селах Камкино, Кочки, Пожарки и Уразовка. Ассоциация женщин-мусульманок и Департамент благотворительности и милосердия муфтията совместно с Фондом «Ибрагим бен Абдельазиз Ибрагим» начала деятельность по оказанию регулярной материальной помощи неимущим, больным и нуждающимся мусульманам, а также беженцам из Чечни и с Северного Кавказа.

Большой общественный резонанс имела инициатива муфтията по предотвращению вооруженной эскалации в Чечне. Муфтий Равиль Гайнутдин, используя личные связи с генералом Дудаевым и имея поддержку муфтия Чечни Мухаммад Хусейна Алсабекова, намеревался сделать все от него зависящее, чтобы не допустить начала войны.

2 декабря 1994 г. после возвращения с Северного Кавказа на пятничной проповеди прихожане Московской соборной мечети единогласно поддержали обращение к Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину, подписанное муфтием Равилем Гайнутдином. 5 декабря на пресс-конференции с участием некоторых политиков и представителей российской интеллигенции, которая прошла в Фонде духовного единения (ул. В. Пика, д. 4), муфтий Равиль Гайнутдин еще раз вернулся к одобренному мусульманами Москвы обращению (см. дальше), сформулировав официальную позицию муфтията по Чечне. Вечером того же дня многие российские и зарубежные агентства, такие как ИТАР–ТАСС, Рейтер, а также телеканал НТВ давали свои комментарии в связи с обращением мусульман к российскому президенту.

С этого времени «чеченское направление» деятельности Московского муфтията на долгие годы стало одним из главных. Буквально на следующий день после начала военных

Religious board of
moslems of Russia's
Central European region

الإدارة الدينية لمسلمي
الاقليم الاوروبي المركزي
من روسيا

*Духовное Управление мусульман
Центрально-Европейского региона России*

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНУ

События последних дней, происходящие в Чечне, у нас, мусульманского духовенства России, вызывают чувство недоброго и тревожного ожидания. Трагическая развязка чеченского кризиса может произойти в любой момент. И это предчувствие не беспочвенно: информационные материалы средств массовой информации и наша вчерашняя поездка в район непосредственной близости от Грозного говорят об одном - военное противостояние в чеченской столице, если сейчас не предпринять необходимые мирные шаги, неизбежно перерастет в крупномасштабную войну, в которую будут втянуты все большие и малые народы России. Не нужно быть крупным военным стратегом, чтобы понять, что за циничными заявлениями Ваших ближайших советников о решении чеченского вопроса "за два часа" стоят безответственность за судьбу многонациональной России помноженное на плохо усвоенные уроки бесславной войны в Афганистане.

В российской истории конца XVIII в. уже была одна попытка "кавалерийским наскоком" разрубить чеченский узел. К чему привела эта военная авантюра хорошо известно. Кавказскую войну ценой огромных человеческих и материальных потерь удалось "погасить" только в 70-х годах XIX в.

Серьезность сложившейся внутрисоюзной ситуации, затрагивающей интересы всех слоев российского общества, все традиционные религии заставляет нас, мусульманское духовенство, обратиться к Вам, господин Президент, с настоятельной просьбой не дать возможности военной эскалации в Чечне. В противном случае, учитывая национальный склад характера чеченцев и их беспрекословное следование исламским предписаниям, можно ожидать вступления в силу мобилизующего всех горцев принципа шариата:

« فَمَنْ آعَدَدْنِي عَلَيْهِ فَمَاعْتَدُوا عَلَيْهِ »

Преступивший закон против вас, заслуживает того же" /Священный Коран, 2:195/.

Уважаемый Борис Николаевич, у Вас, как руководителя великой страны должно хватить политического искусства и мудрости, чтобы найти путь к мирному разрешению чеченского кризиса. В достижении мира и стабильности на Северном Кавказе российское мусульманство готово на сотрудничество со всеми ветвями власти.

روى عن النبي صلى الله عليه وسلم
الإدارة الدينية لمسلمي
الاقليم الاوروبي المركزي
من روسيا
Муфтий Гайнутдин
Духовного Управления мусульман
Центрально-Европейского региона России

Обращение принято 17.04 г на Пятничном богослужении в Московской Соборной мечети.

Russia, 129090 Moscow, Vipolzov by-str 7
Россия, 129090 Москва, Виползов пе ., 7

Tel./Fax 2814904, Fax 2847908, 2813866
Тел./Факс 2814904, 2847908, 2813866

действий в Москву в сопровождении членов совета старейшин Ичкерии приехал муфтий Мухаммад Хусейн Алсабеков, являвшийся в то время одним из доверенных лиц Дудаева. Вплоть до Нового года Московский муфтият напоминал штаб по урегулированию чечен-Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

ского кризиса, что послужило основанием муфтию Алсабекову позднее заявить: «Ни один российский муфтий не делает столько для решения чеченской проблемы, сколько шейх Равиль Гайнутдин»¹. 14 декабря Московский муфтият посетила делегация участников чрезвычайного съезда Конфедерации народов Кавказа, проходившего в Нальчике 9–11 декабря, и передала обращение к российским властям с требованием найти мирные пути разрешения чеченского конфликта. 16 декабря в Российском общественно-политическом центре (РОПЦ) с участием духовного руководства Москвы и Чечни, депутатов Госдумы, членов чеченской диаспоры в Москве прошел круглый стол на тему: «Пути урегулирования ситуации в Чеченской Республике», который вел депутат В.Н. Лысенко. Эта дискуссия выявила, что отношение к характеру «чеченской операции» и легитимности Дудаева как президента Ичкерии среди самих чеченцев, представлявших официальный Грозный и московскую диаспору, настолько противоречиво, что очень трудно говорить о единой общенациональной позиции чеченского народа.

События в Чечне подняли проблему ислама и мусульманских народов, проживающих в России, на качественно иной, чем раньше, общественный уровень и придали им общегосударственное звучание. 3 марта 1995 г. впервые за историю советской и постсоветской России глава государства поздравил мусульман с окончанием поста и наступлением праздника разговения — Ид аль-Фитр, а также выразил надежду, что мусульманское духовенство будет способствовать укреплению межнациональных отношений.

¹ Ислам Минбаре. 1995. № 2 (4). С. 1.

Своего рода продолжением нового подхода к исламу со стороны российского руководства стала поездка муфтия Равиля Гайнутдина в составе официальной делегации во главе с министром иностранных дел России А.В. Козыревым на Ближний Восток. Она состоялась в конце марта – начале апреля и охватила Египет, Сирию, Ливан и Израиль. В ходе визита муфтий Равиль Гайнутдин имел возможность встретиться с ректором Высшего богословского университета «Аль-Азхар» доктором Абд аль-Фаттахом Шейхом, верховным муфтием Сирии Ахмедом Кафтару, руководством Министерства вакуфов Сирии, членами президиума исламской организации «Дар уль-фетва» и Министерства вакуфов Ливана, муфтием Иерусалима и Палестины шейхом Акрама Саид Сабри.

Чеченский фон сопровождал и праздничные мероприятия, посвященные 90-летию Московской соборной мечети, которые проходили в конце мая 1995 г. в столице и собрали весь цвет арабо-мусульманского мира. К этой памятной дате благодаря помощи московского правительства удалось привести в порядок саму мечеть, а также построить здание учебно-административного корпуса, куда переехали все службы муфтията. В приуроченной к юбилею конференции «Ислам и этноконфессиональное взаимопонимание в меняющемся мире», которая проходила под патронажем мэра Ю.М. Лужкова, приняли участие такие известные мусульманские богословы и религиозные деятели, как впервые посетивший Россию шейх Юсуф аль-Карадави, министр вакуфов, председатель Высшего исламского Совета Египта Мухаммад Махджуб, председатель правления Международного благотворительного фонда «Комитет мусульман Азии» доктор Адель Абдалла аль-Фаллях, а также главы по-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

сольств арабо-мусульманских стран, аккредитованные в Москве.

В докладе муфтия прозвучали слова и о той огромной общенациональной беде, которая, как сказал Равиль Гайнутдин, «напоминает о себе каждую минуту». Подводя итоги всех миротворческих инициатив мусульманского духовенства, Русской православной церкви, общественных организаций за прошедшие полгода, муфтий отметил, что «вернуть Чечню к мирной жизни пока не удастся. Однако наше вероучение учит нас не пасовать перед трудностями. Учит нас быть стойкими и, уповая на милость Всевышнего, вселять веру и надежду на то, что недуг взаимного озлобления будет в конце концов преодолен... Выход из сложившейся в Чечне ситуации, которая грозит подорвать устои нашего государства, — отметил Равиль Гайнутдин, — возможен только на пути союза и консолидации всего общества с властью. Мы все должны понять: если кровопролитие в Чечне не будет в ближайшее время остановлено, зло и последствия чеченской войны унаследуют наши дети и внуки... Сегодня борьба в нашем обществе может быть только в одном смысле — борьба за прекращение кровопролития в Чечне»¹.

Во второй половине 1995 г. в сфере урегулирования отношений государства с религиозными организациями произошли новые важные сдвиги. В июне была создана Комиссия по религиозным вопросам при Правительстве России, а в августе Б. Ельцин утвердил положение о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России. В состав правительственной комиссии по религиозным вопросам и президентского совета по взаимодействию с религиозными объединениями с первых дней

¹ Архив Московского муфтията.

работы вошли представители Московского муфтията, которые и сегодня, защищая интересы всего мусульманского сообщества страны, занимаются решением текущих вопросов регулирования государственно-религиозных отношений, касающихся, например, призыва на действительную военную службу молодых имамов, организации хаджа, факультативного преподавания религиозных дисциплин в средней школе, налогообложения и др.

К концу 1995 г. во всей России было зарегистрировано 60 международных общественных мусульманских организаций, из них около 20 на законных основаниях действовали в Москве, включая третью столичную мечеть — иранскую, построенную в комплексе административных зданий посольства Исламской Республики Иран по ул. Новаторов. В ноябре в Московском университете под патронажем члена королевской семьи из Саудовской Аравии эмира Наифа бен Абдель Азиза Ааль Сауда состоялось официальное открытие отделения исламоведения в Центре арабистики и исламоведения Института стран Азии и Африки (ИСАА). Открытие отделения стало значительной вехой в возрождении традиций российского исламоведения, истоки которого в столице были связаны с деятельностью созданного в 1815 г. знаменитого Лазаревского института восточных языков. Для отечественного исламоведения, занимавшего в начале XX в. передовые позиции в мировой науке, открытие этого отделения стало значительным импульсом развития научного поиска известными учеными-исламооведами ИСАА, а также привлечения новых научных кадров в этой области знания. За все время существования отделения, где преподаются корановедение, толкование Корана, хадисоведение, религиозная догматика и юриспруденция,

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

арабский язык, мусульманская философия (всего 16 научных дисциплин), обучение в нем прошли тысячи московских мусульман и людей, интересующихся исламом.

Одновременно в столице начал свою деятельность Комитет мусульман Азии (Кувейт), который с целью активизации научных изысканий в области исламоведения и наведения научных и культурных мостов с народами Российской Федерации учредил ежегодную премию имама аль-Бухари. Ее лауреатом, например, по итогам конкурса 1998 г. стала книга «Ислам на территории бывшей Российской империи» под редакцией известного востоковеда С.М. Прозорова. В то же время в Москве органами юстиции был зарегистрирован и ряд независимых объединений мусульман, деятельность которых никак не была связана с юрисдикцией Московского муфтията и осуществлялась самостоятельно, — например, Международная исламская организация «Аль-халяфа аль-исламия», Мусульманский молодежный союз, Отделение Лиги исламского мира, Исламский комитет, Исламское общество солидарности с палестинским народом и др.

Значительное место в деятельности ДУМЕР в этот период его руководством уделялось межконфессиональному сотрудничеству. В конце октября — начале ноября в муфтияте побывали главный раввин Московской хоральной синагоги Адольф Шаевич и апостольский администратор для католиков латинского обряда европейской части России архиепископ Тадеуш Кандрусевич. Многовековое общение российских мусульман и иудеев, подчеркивалось во время первой встречи, не омрачено фактами, которые можно было бы расценить как проявление религиозной нетерпимости или вражды. «Добрые отношения между представителями двух религиозных общин России, — заметил

Глава 7. Религиозная и общественная деятельность...

муфтий Равиль Гайнутдин, – могут служить примером для других стран, где их единоверцы также живут бок о бок уже многие столетия»¹. Встрече с главой католической общины России во многом сопутствовали как радушный прием, который был оказан муфтию Равилю Гайнутдину Папой Римским Павлом Иоанном II во время его визита в Рим в 1994 г., так и заметное усиление прямых контактов между представителями ислама и католицизма на международной арене в целом.

На декабрьском пленуме ДУМЕР, который прошел 13 декабря в здании Московского муфтията, изложенная на конференции позиция муфтия Равиля Гайнутдина получила одобрение и рекомендации президиума познакомить все мусульманские приходы, находящиеся под юрисдикцией Московского муфтията, с главными положениями доклада Равиля Гайнутдина. На пленуме было принято также два важных постановления. Первое – приступить к подготовке 1400-летия начала распространения ислама на территории России (по мусульманскому календарю) с разработкой и внесением в высшие органы государственной власти соответствующих предложений. Второе – начать подготовку к 2000-летию рождения одного из почитаемых в исламе пророков – пророка Исы (Иисуса Христа).

1996 год прошел для российских мусульман под знаком объединительных процессов, в том числе вокруг Московского муфтията, идея духовной консолидации вокруг которого находила поддержку не только среди мусульманского духовенства России, но и среди многих политиков и общественных деятелей Татарстана, Башкортостана и республик Северного Кавказа. Этому в определенной сте-

¹ Ислам Минбаре. 1995. № 11. С. 1.

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

пени способствовали президентские выборы, заставившие социально активную часть мусульман страны сплотиться вокруг общероссийского общественно-политического движения «Союз мусульман России» (СМР, зарегистрирован 16 июня 1995 г.) и мусульманского общественного движения «Нур» («Свет», зарегистрирован 16 июля 1995 г.). В апреле 1996 г. благодаря согласованной инициативе Московского муфтията и Духовного управления мусульман Поволжья, которая была поддержана Администрацией Президента, Правительством России и профильным комитетом Госдумы, в Саратове на учредительной конференции было создано общественно-политическое движение «Мусульмане России» во главе с муфтием Мукаддасом Бибарсовым. В работе съезда приняли участие 72 делегата из 39 регионов России, в том числе главы и представители всех региональных и республиканских ДУМ.

На съезде не только обсуждались вопросы политического участия мусульман на предстоящих президентских выборах, но и решались проблемы дальнейшего организационного объединения верующей части мусульманского сообщества страны вокруг одного координирующего центра, каким для большинства мусульман фактически становилась духовная структура во главе с московским муфтием Равилем Гайнутдином. Московский муфтият к 1996 г. благодаря своему активному участию в работе Совета по взаимодействию с религиозными организациями при Президенте России, Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве России, экспертной комиссии по подготовке Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (принят в 1997 г.) стал той духовной инстанцией, которая, с одной стороны, ини-

циировала, а с другой – аккумулировала идеи и предложения, исходившие из регионов и республик с преобладающим мусульманским населением.

Работа представителей ДУМЕР в этих органах позволила выработать консолидированное отношение мусульман к происходящим в стране переменам в области государственно-конфессиональных отношений и последовательно отстаивать интересы мусульманского сообщества перед государством. Идея образования Совета муфтиев России как высшего координирующего органа мусульманского духовенства России с центром в Москве впервые была высказана и поддержана главами и представителями большинства ДУМ страны, которые собрались в столице 19 марта 1996 г. На этом совещании отмечалось, что с фактическим разрушением старой иерархической структуры мусульманского духовенства с центром в Уфе, где на протяжении полувека действовало ДУМЕС, появилась потребность в создании в Москве нового специального религиозного органа, регулирующего отношения между мусульманскими духовными объединениями России на принципах взаимоуважения, равноправия и признания самостоятельности всех образованных на демократических принципах и получивших юридический статус духовных управлений мусульман. 2 июля во время научно-практической конференции «Демократия и судьбы ислама в России», прошедшей в Москве, решением глав ДУМ Республики Татарстан, Центрально-Европейского региона России, Сибири, Поволжья, Чувашии, Нижегородской, Оренбургской, Ульяновской областей был единогласно учрежден Совет муфтиев России и в целом одобрен проект его устава. Председателем Совета муфтиев России (СМР) открытым голосованием был избран муфтий Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

Равиль Гайнутдин. На сегодняшний день СМР объединяет мусульманские организации более чем 30 субъектов Российской Федерации, включая республики Татарстан, Башкортостан, Чувашию, Удмуртию, Марий-Эл, Адыгею, Чечню, также крупные области и края европейской и азиатской частей России. Оценивая этот факт, надо иметь в виду, что Москва и раньше, а именно после Февральской революции, становилась местом объединения и координации мусульман России. Решением I Всероссийского мусульманского съезда (Москва, 1–11 мая 1917 г.) в Москве действовал Всероссийский центральный мусульманский совет – Милли Шуро.

С созданием Совета муфтиев России деятельность Московского муфтията, как и других мусульманских организаций, зарегистрированных в столице, получила новый размах и соответствующее внимание Правительства Москвы, для которого взвешенная конфессиональная политика в столичном мегаполисе становится одним из главных направлений его деятельности. В Отрадном, входящем в Северо-Восточный административный округ столицы, по инициативе татарского предпринимателя и мецената Ряшида Баязитова началось возведение новой мечети, которая послужила прологом строительства духовно-просветительского комплекса российских традиционных религий. Одновременно в течение года при заинтересованном отношении московских властей шли строительные работы по возведению Мемориальной мечети на Поклонной горе, открытие которой решением мэра Ю.М. Лужкова было приурочено к торжествам по случаю 850-летия Москвы. Важным шагом в создании атмосферы межнационального согласия и межкультурного диалога в Москве стало распоряжение Ю.М. Лужкова

Глава 7. Религиозная и общественная деятельность...

от 5 июля 1996 г. о возрождении проведения в столице ежегодного народного праздника татаро-башкирского народа Сабантуй, который отныне занял прочное место в календаре отмечаемых в городе праздников.

В 1997 г. в Москве, вслед за иранской на ул. Новаторов, открылись еще две новые мечети. В самом начале года – двухминаретная мечеть в Отрадном – первый за прошедшие 90 лет возведенный в столице мусульманский храм, молитвенный зал которого вмещает 1200 молящихся. Его застройщиками стали созданные Р. Баязитовым благотворительный фонд развития татарского духовного наследия «Хиляль» и религиозное объединение мусульман «Ярдям». Вторая – в комплексе парка Победы Мемориальная мечеть, которую с небывалой торжественностью, возможно сопоставимой с открытием в 1913 г. Кафедральной соборной мечети в Санкт-Петербурге, открыли к 850-летию Москвы в начале сентября на Поклонной горе. Кроме главного инициатора строительства храма и его главного исполнителя Ю.М. Лужкова, на открытии присутствовали главы всех наиболее крупных мусульманских субъектов России – М. Шаймиев, М. Рахимов, М. Магомедов, А. Джаримов, президент Республики Казахстан Н. Назарбаев, министр иностранных дел Е. Примаков, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, шейх-уль-ислам Аллахшукур Пашазаде, ответственные лица Администрации Президента России, депутаты Госдумы, многочисленные зарубежные гости.

Важной ступенью организационной консолидации работающих в различных академических центрах Москвы специалистов в области изучения ислама стало создание в середине марта 1997 г. Ассоциации ученых-исламоведов при Совете муфтиев России. Сопредседателя Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

ми этого открытого и добровольного научного общества стали известные знатоки ислама и мусульманского богословия доктор наук Тауфик Ибрагим, Александр Игнатенко, Талиб Саидбаев, Мариэтта Степанянц и Леонид Сюкийнен. Сегодня над многоаспектным осмыслением исламского фактора в российской действительности работают десятки коллективов ученых-исламоведов и политологов, созданных на базе Института востоковедения, Института Африки, Института стран Азии и Африки, Института этнологии, Московского центра Карнеги и др.

Продолжением тенденции возросшего общественного внимания к исламу можно считать интерес к нему творческой интеллигенции. Это относится к художественному фильму В. Хотиненко с участием Е. Миронова «Мусульманин», который был не только выдвинут на соискание Госпремии России в области литературы и искусства за 1996 г., но и отмечен медалью Совета муфтиев России «За вклад в дело межконфессионального диалога». Кинолента об актуальной для российского общества проблеме веры и безверия, ставящая принципиальный по своей общественной значимости вопрос, почему библейские заповеди, в отличие от законов Корана, не в состоянии удерживать человека от пьянства и злобы, не могла оставить равнодушным миллионы зрителей. Фильм не только всколыхнул русскую интеллигенцию, но и задел за живое многих простых россиян, заставил их пересмотреть свое отношение к живущим рядом мусульманам и их вере. Идея экранизации житейской истории о простом русском парне, принявшем ислам во время войны в Афганистане, показалась руководству Московского муфтията очень интересной и своевременной. Поэтому после выхода фильма в прокат, где его ждали оглушитель-

ный успех и зрительское признание, в муфтияте было устроено чествование режиссера В. Хотиненко, автора сценария В. Золотухи и исполнителя главной роли Е. Миронова. В Хотиненко в своем выступлении подчеркнул, что фильм родился в творческом единстве создателей фильма и мусульман, работающих в Московской соборной мечети.

Рубеж 1997–1998 гг. стал для Совета муфтиев России (СМР) временем новых свершений, деятельность которого благодаря активному участию северокавказского духовенства приобрела общероссийский характер. Важным фактором объединения усилий всех мусульманских лидеров вокруг СМР стала поддержка начинаний Рафиля Гайнутдина со стороны муфтия Дагестана Мухаммад-Саид Абубакарова, который не раз, бывая в Московской соборной мечети, признавал, что работа имама в Москве в условиях многонациональной мусульманской общины сопряжена с многими дополнительными трудностями: изучением менталитета каждого мусульманского этноса, выбором языка богослужения, изучением реалий жизни «новых мусульман», обретших пристанище в столице совсем недавно. Вплоть до трагической гибели в августе 1998 г. Мухаммад-Саид Абубакарова между ним и председателем СМР Рафилем Гайнутдином поддерживались тесные братские связи, основанные на взаимоуважении и взаимной симпатии. Именно в это время для более тесной координации и учета интересов мусульман Северного Кавказа в состав президиума Московского муфтията были введены представители мусульман Дагестана. Соответствующие коррективы были внесены в деятельность мечетей и богослужебный характер пятничных проповедей, учитывающий шафиитский мазхаб верующих аварцев, даргинцев, чеченцев и ингушей.

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

ГЛАВА 8

ГЛАВНЫЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ ГОРОД РОССИИ

Новый Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» (1998), впервые в истории страны признав официальный статус ислама как «неотъемлемой части общероссийского исторического наследия», придал развитию государственно-исламских отношений новый импульс. Совет муфтиев России и Московский муфтият наряду с другими региональными центрами ислама объективно становятся основными партнерами государства в налаживании диалога с мусульманским сообществом страны и арабо-мусульманским миром в целом. Сегодня исламская политика России – встречи на высшем уровне с политическим руководством арабо-мусульманских государств, возведение новых и реконструкция старых мечетей, деятельность исламских учебных заведений, формирование внутри- и внешнеполитических приоритетов государства и т.д. – осуществляется при прямом участии либо с учетом мнения мусульманского духовенства и, шире – мусульманской общественности Москвы.

Современная элита московских мусульман, отношение которой к исламу настолько же разнообразно, насколько разнообразен ее этнический состав, представлена во всех сферах исполнительной и законодательной власти, науки, дипломатии, культуры, спорта и

бизнеса. Специализированное издание «Кто есть кто в татарской общине Москвы» [27], включающее более 200 персоналий, – яркое и убедительное свидетельство этого процесса, охватившего и другие мусульманские этносы Москвы.

В условиях современного мегаполиса с его острыми социальными и бытовыми катаклизмами, а также порой настороженным отношением славянских этносов к исламу (что связано с «чеченским синдромом» и терактами в Москве, Нью-Йорке, Лондоне и Мадриде), мусульмане, тем не менее, находят пути прямого либо опосредованного участия в религиозной жизни общины, поддерживая, например, инициативы духовного руководства Совета муфтиев России по расширению здания Соборной мечети или созданию новых центров исламской духовности в разных уголках Москвы и Подмосковья.

Обращает на себя внимание рост удельного веса мусульман как в динамике социальных процессов столицы, так и в организации городской жизни и ее хозяйства. В Москве сегодня проживает более 30 мусульманских этносов, представляющих практически весь спектр мировой уммы – от градообразующего татарского народа до сравнительно недавно возникших и динамично развивающихся общин турок, афганцев, боснийцев, пакистанцев и уйгуров. Если преуспевающий слой коренных мусульман столицы, включая предпринимательский класс «новых мусульман», выбравших Москву местом для своего бизнеса, является составной частью московского истеблишмента, то мигрантам из стран СНГ чаще всего уготована обслуживающая социальная роль. Малопрестижные профессии, связанные с тяжелым физическим трудом (например, дворника, бывшая в XX в. прерогативой переселившихся

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

в город сельских татар), в начале XXI в. перешли к таджикам, киргизам и узбекам — новым (временным или постоянным) резидентам Москвы. Городские оптовые рынки сегодня практически полностью обслуживаются мусульманами из Центрально-азиатских республик, Кавказа и Закавказья. Согласно компетентной оценке социолога В.Г. Глушковой, численность ежедневного немосковского населения в столице в летний сезон достигает от 2,5 до 3 млн человек [19, с. 64].

Есть основания полагать, что в этой статистике немалый процент занимают мусульманские этносы. По крайней мере, некоторые московские школы подтверждают эту тенденцию: в столичном районе Орехово-Борисово есть школы, где 50% учащихся представляют нерусские и неславянские этносы, что заставляет администрацию ставить вопрос о целесообразности введения нового предмета «Русский язык как иностранный»¹. В этой связи крайне востребованной является программа московского правительства по адаптации мигрантов и членов их семей к столичной жизни. Отметим, что Москва в этом смысле не исключение; аналогичные процессы с разной степенью интенсивности происходят во всех крупных европейских столицах — Берлине, Лондоне и Париже.

Активизации жизни мусульман столицы во многом способствует деятельность постоянных представительств Татарстана, Башкортостана, Дагестана, Ингушетии и Чечни в Москве, а также посольств Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, которые в рамках предоставленных полномочий помогают становлению национально-культурных обществ и землячеств своих народов. Начиная с 1997 г. в столице дей-

¹ Московский комсомолец. 2005. 9 сент.

ствуется созданная в соответствии с Федеральным законом «О национально-культурной автономии» (вступил в силу 25 июня 1996 г.) татарская национально-культурная автономия, основной целью которой стало содействие в развитии самобытной культуры татарского народа, просвещения и образования соотечественников. Ее президентом был избран генерал-полковник в запасе Расим Акчурин. Татарская община получила новые возможности для самореализации в национально-культурной и просветительской сфере. Центром культурной жизни московских татар стал Дом Асадуллаева, окончательная передача которого властями города мусульманам столицы состоялась осенью 2003 г. в присутствии Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева и членов московского правительства во главе с мэром. Сегодня в Доме Асадуллаева создана региональная татарская национально-культурная автономия, действует сеть детских и молодежных кружков музыкальной и художественной самодеятельности.

В Москве на базе муфтията и высшего исламского духовного колледжа с 1999 г. начал действовать Московский исламский университет (МИУ), являющийся высшим негосударственным образовательным учреждением. МИУ, расположенный в районе Люблино, имеет лицензию на подготовку бакалавров по специальности «исламская теология». С 2002 г. действует факультет среднего профессионального образования МИУ. При Совете муфтиев России в 2005 г. был сформирован Совет по исламскому образованию, который разработал единый стандарт по религиозному высшему и среднему профессиональному образованию.

Совершенно новым направлением деятельности Совета муфтиев России становится проведение с конца 90-х годов семинаров ру-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

ководителей духовных управлений мусульман России для высшего и среднего звена. В работе московских семинаров, состоявшихся в июле и ноябре 1998 г., приняли участие руководители республиканских и региональных мусульманских общин Татарстана, Башкортостана, Дагестана, Мордовии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, Беларуси, а также Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Оренбурга, Пензы, Саратова, Нижнего Новгорода, Твери, Костромы и Ярославля. В ходе работы ноябрьского семинара его участниками было принято обращение к Правительству России «О возвращении мусульманских культовых сооружений верующим» от 25.11.1998 г. В нем содержалась обобщенная Советом муфтиев России информация о том, что мусульмане, в нарушение действующего закона и известных распоряжений Президента России и постановлений правительства страны, лишены возможности пользоваться своими культовыми сооружениями в десятках городов и населенных пунктов, включая Оренбург, Владикавказ, Ставрополь, Тюмень и др. Задолго до трагедии в Беслане, в 2004 г., Совет муфтиев России также ставил вопрос о возвращении мусульманам города Соборной мечети (построена в 1906 г.), здание которой используется до сих пор не по целевому назначению.

На ноябрьском пленуме 1999 г. СМР с участием министра внутренних дел России В.Б. Рущайло рассматривался вопрос об усилении роли мусульманских организаций в установлении прочного мира на Северном Кавказе. Встреча, на которой присутствовали главы ДУМ республик Татарстан, Башкортостан, Ингушетии, Чечни, азиатской части России, была организована из-за накалившейся ситуации в Дагестане после вторжения туда отрядов Басаева и

Хаттаба августе 1999 г. и имевших широкий общественный резонанс дискуссий (часто спекулятивного характера) о так называемом ваххабизме, природа происхождения которого в России и варианты его трактовки стали чуть ли не темой № 1 на страницах российских СМИ в последние годы.

Проблемам изучения экстремизма на псевдорелигиозной почве был посвящен, например, круглый стол на тему «Ислам и проблемы государственной безопасности России», который был организован по совместной инициативе Совета муфтиев России и редакции журнала «Профи» в конце декабря 1999 г. Заседание круглого стола в конференц-зале Московского муфтията, собравшее духовное руководство мусульманского сообщества страны и ведущих экспертов в области исламоведения и политологии, а также современных проблем конфликтологии, вышло за рамки обычного научно-практического мероприятия. Прозвучавшие в ходе его работы идеи и рекомендации позволили более четко и аргументированно изложить позицию мусульманского духовенства по этой проблеме¹. Проблема размежевания ислама и терроризма является доминирующей темой проповедей, которые звучат с минбаров московских мечетей в дни пятничных и праздничных богослужений, а также широко обсуждается на страницах мусульманской периодической печати.

Большой общественный резонанс имел всероссийский семинар руководителей духовных управлений мусульман, посвященный участию мусульманских организаций в решении социальных проблем, который проходил в конце июня – начале июля 2000 г. в Совете муфтиев России. В работе семинара приняли

¹ Профи. 2000. № 2.

участие представители всех министерств, курирующих социальную сферу, что придало ему не только теоретический, но и сугубо прикладной характер. Мусульманское видение проблем семьи, наркомании, алкоголизма, проституции, воспитания подрастающего поколения в духе принципов Корана и сунны пророка, не противоречащих общепринятым правилам и нормам морали, показало, что у самих представителей мусульманских общин развито не просто ответственное отношение к настоящему и будущему Российского государства, но и желание быть в общем строю созидательных общественно-духовных сил, борющихся с указанными пороками. И более того, своим примером трезвого образа жизни они показывают, каким образом можно противостоять им [40]. С 2003 г. в столице также регулярно проводятся учебно-методические семинары для преподавателей начальных и средних мусульманских учебных заведений.

Важным фактором, демонстрирующим, что в системе внутригосударственных и международных приоритетов ислам окончательно занял подобающее его роли в обществе место, стали регулярно проводившиеся личные встречи главы государства с руководителями крупнейших исламских управленческих структур России. Начало этой традиции положила встреча муфтия Равиля Гайнутдина с Б.Н. Ельциным в Кремле в марте 1996 г., на которой председатель Совета муфтиев поделился планами празднования 1400-летия начала распространения ислама на территории России.

После избрания в марте 2000 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путина эта традиция укрепилась: за последние несколько лет по инициативе Администрации президента состоялось несколько встреч, на которых

обсуждались текущие вопросы жизнедеятельности мусульманских общин России, а также конкретные проблемы, имеющие непосредственное отношение к исламу. Так, например, во время январской встречи 2002 г. в резиденции Президента России в Ново-Огарево в центре беседы стояли острые вопросы, связанные с возведением мусульманских храмов в некоторых городах Подмосковья, а также с деятельностью мечетей в Ульяновске, Перми и особенно в Вологде, где по вине городской и областной администраций, а также несогласованных действий руководства мусульманской общины и курирующих городских инстанций возникла острая конфликтная ситуация, грозящая нарушить межнациональный мир в городе. Благодаря оперативному вмешательству Администрации президента ситуацию удалось взять под контроль и в короткие сроки стабилизировать обстановку вокруг мусульманской общины Вологды.

Участие Президента России и его администрации в формировании правильного и адекватного отношения к исламу и проблемам российских мусульман создает атмосферу межнационального и межконфессионального доверия, снимая одновременно в обществе часто искусственно раздуваемые в СМИ исламофобские настроения. Это проявилось, например, в последовательных шагах по организации и участию в торжествах, посвященных 100-летию Московской соборной мечети (2004) и 1000-летию Казани (2005), принятию России в Организацию «Исламская конференция» (ОИК, 2005), урегулированию в целом чеченской проблемы. Сказанные Президентом России В.В. Путиным в мае 2005 г. на открытии сессии нового парламента Чеченской Республики слова о том, что «Россия всегда была самым верным, надежным и по-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

следовательным защитником ... интересов исламского мира» и его «самым лучшим и надежным партнером и союзником», имели позитивный резонанс прежде всего среди самих российских мусульман.

В ряду событий последних лет заслуживают упоминания торжества, посвященные празднованию 1400-летнего юбилея распространения ислама. По инициативе муфтия Равиля Гайнутдина в течение нескольких лет проводилась, в том числе через созданный в 1998 г. Межрелигиозный совет, большая разъяснительная работа о важности придания этим торжествам общегосударственного значения. На базе Московского муфтията был создан оргкомитет по празднованию 1400-летия начала распространения ислама в России, в состав которого в качестве сопредседателей вошли Равиль-хазрат Гайнутдин и Юрий Лужков, а также народный поэт Дагестана Расул Гамзатов, председатель национальной культурной автономии татар Москвы генерал-полковник Расим Акчурин, президент Военной академии Министерства обороны генерал армии Махмут Гареев, член-корреспондент Российской академии наук Эдхем Тенишев. Значительный прорыв в понимании важности проведения этих торжеств был сделан научно-практической конференцией, которая по инициативе члена Совета Федерации Г. Абдулатипова и ряда депутатов (В.И. Зоркальцев, А.И. Ниязов др.) проходила в Госдуме в мае 2000 г. и приняла соответствующие рекомендации по целесообразности их проведения.

Главная инициатива организации этих мероприятий со стороны государства исходила от главы московского правительства. 14 февраля 2000 г. было подписано распоряжение мэра Ю.М. Лужкова о выделении ассигнований на проведение празднования 1400-летия

распространения ислама в России. Правительством Москвы из городского бюджета было выделено около 10 млн рублей на подготовку и проведение праздничных мероприятий. 6 апреля 2000 г., который совпал с первым днем нового, 1421 года по хиджре, был дан старт празднованию юбилейных торжеств. Впервые за свою многовековую историю Москва стала свидетельницей события, на котором собравшиеся высокие гости с необычайным уважением и почтением говорили о значении ислама в истории России.

Праздник ислама в Москве, начавшийся с торжественного собрания в здании Московского художественного академического театра им. М. Горького, открыл председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин. Поздравив всех присутствующих с началом нового мусульманского года, он еще раз рассказал, как 1400 лет назад, после завоевания арабами дагестанского города Дербента, началось мирное распространение ислама в остальных регионах России, включая Поволжье, Урал и Сибирь.

С большим душевным теплом и тактом, очень искренне выступил мэр Ю.М. Лужков, который, обратившись залу с традиционным татарским приветствием, затем продолжил: «Я рад, что стал участником торжеств, посвященных важному событию в истории ислама в России. Это событие по своей значимости равно 2000-летию Рождества Христова». Москва, подчеркнул мэр, всегда была и остается многонациональным городом. Правительство города уделяет исключительное внимание укреплению дружеских отношений между представителями разных народов и религий, воспитанию, прежде всего у детей, уважительного отношения к сложившемуся духовному миру каждого народа. Цель правительства

столицы — дать всем возможность чувствовать себя комфортно, иметь условия для удовлетворения своих национальных потребностей, чувства принадлежности к определенной нации и религии¹.

В 2000 г. в столице и Подмосковье начали действовать новые религиозные организации и приходы: в Домодедово и Бутырской тюрьме открылись новые молельные помещения, в городах Орехово-Зуево, Звенигороде, Щелково, Яхроме, Сергиевом Посаде — новые мечети. Всего в Москве сегодня действуют 11 зарегистрированных мусульманских религиозных общин, входящих в состав Московского муфтията. Религиозные организации мусульман Подмосковья структурно входят в Мухтасибат Московской области (создан в 2005 г.) на правах департамента Московского муфтията.

В год юбилейных торжеств совместно с Фондом «За выживание и развитие человечества», возглавляемым Рустемом Хаировым, была проведена большая подготовительная работа по организации и участию Совета муфтиев России во Всемирном саммите религиозных и духовных лидеров по вопросам мира в новом тысячелетии. Саммит проходил в конце августа в Нью-Йорке под эгидой Организации Объединенных Наций и лично его Генерального секретаря Кофи Аннана. Россия, кроме делегации Совета муфтиев, была представлена постоянными членами Межрелигиозного Совета России — делегациями Русской православной церкви во главе с митрополитом Питиримом, буддийской традиционной сангхи во главе с Хамба-ламба Аюшеевым и иудеев во главе с раввинами Адольфом Шаевичем и Берл Лазаром. Для делегации мусульман России, куда входил, наряду с другими муфтия-

¹ Ислам Минбаре. 2000. № 4. С. 1.

ми, будущий президент Чечни Ахмед Кадыров, это была полезная школа международной дипломатии, позволившая наладить прямые контакты с ООН и тем самым открыть новую страницу в истории внешних связей Совета муфтиев России.

2001 год, объявленный Генеральной Ассамблеей ООН годом диалога цивилизаций, был ознаменован важными событиями, которые оказали большое влияние не только на российское общество, но и в целом на ход мировой истории. 13 марта Московскую соборную мечеть впервые в истории российско-иранских отношений посетил Президент Исламской Республики Иран Мухаммад аль-Хатами. Этот визит, с которого, собственно, началась официальная программа его пребывания в российской столице, стал наглядным примером того, какую роль играют религиозные ценности в системе современных международных отношений России с мусульманским миром.

Трехчасовое пребывание Президента Ирана в Московской соборной мечети было весьма насыщенным и продуктивным: Мухаммад аль-Хатами встретился с руководством Совета муфтиев России и высказал ряд соображений относительно того, как мусульманское духовенство может способствовать усилению роли государства, воспитывая патриотические чувства верующих страны, затем он выступил перед прихожанами Соборной мечети, в заключение принял участие в пресс-конференции и ответил на вопросы журналистов. Его выступление в молельном зале мечети, который был заполнен главным образом молодежью, было изложением концептуальных взглядов известного на весь мир мусульманского ученого и политика на суть происходящих в мире событий. Обозначив главную проблему современ-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

ного человека «в отсутствии достаточной духовности и нравственности», аль-Хатами напомнил, что именно эта мысль легла в основу послания аятоллы Хомейни Президенту СССР Михаилу Горбачеву, в котором подчеркивалась мысль об усилении внимания духовным аспектам жизни общества.

Далее, исходя из исламского понимания монотеизма – таухида, он отмечал: «И сегодня представители трех единобожных религий – иудаизма, христианства и ислама – должны стремиться устранить имеющиеся между ними разногласия и объединиться во имя того, чтобы сделать жизнь общества духовно богатой и нравственной. Это самый верный путь для объединения представителей разных вероисповеданий, между которыми сохраняются разногласия»¹.

В ряду других важных международных встреч руководства Совета муфтиев России можно упомянуть переговоры с премьер-министром Малайзии Махатхир Мухаммадом (2002), генеральным секретарем Лиги исламского мира (ЛИМ) Абдуллой ат-Турки (2003), наследным принцем Королевства Саудовской Аравии Абдаллой бен Абдель Азизом (2003), королем Иордании Абдаллой II (2004), генеральными секретарями организации «Исламская конференция» (ОИК) Абдель Вахедом Бельказизом (2003) и Экмелетдином Ихсаноглу (2005, 2006 гг.), султаном Брунея Хасаналом Болкиахом (2005). Эти встречи стали знаменательным событием не только в истории мусульманской общины страны, но и в политической истории современной России в целом, поскольку внесли определенный вклад в реализацию стратегического курса страны на сближение с арабо-мусульманским миром.

¹ Ислам Минбаре. 2001. № 4. С. 1.

Есть основания полагать, что успешные переговоры Махатхир Мухаммада в Москве послужили первым шагом для участия российского президента в работе саммита Организации «Исламская конференция», который прошел в Путраджайе в октябре 2003 г., а затем вступлению России в июне 2005 г. в члены этой организации в статусе наблюдателя.

Приезд премьер-министра Малайзии в Московскую соборную мечеть 15 марта совпал с началом нового, 1423 года по хиджре и пришелся на пятницу, что придало этому событию особую торжественность и привлекло внимание многих мусульман, заполняющих по пятницам не только саму мечеть, но и все помещения, где можно совершить намаз.

Переговоры между муфтием Равилем Гайнутдином и Махатхир Мухаммадом, предшествовавшие пятничному богослужению, носили подчеркнuto дружественный характер и больше касались вопросов международного характера. Особое внимание было уделено проблеме терроризма, совместной борьбы с ним и причинам, толкающим людей на эти антиобщественные и античеловечные поступки. Махатхир Мухаммад высказал ряд принципиальных соображений относительно состояния ислама и мусульманской уммы в свете событий 11 сентября. «Умеренная и толерантная модель ислама, — отметил он, — на самом деле выражает суть исламского вероучения, дух которого отвергает любое насилие, не говоря уже о терроризме... Разговоры об оси мусульманской нестабильности — это либо происки врагов, либо непонимание ислама теми, кто не познал суть нашего вероучения. Ислам открыт всему миру, и он обязательно завоюет сердца и умы человечества».

В ответном слове муфтий Равиль Гайнутдин отметил, что эта встреча — «лучшее доказательство».

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

зательство открытости и миролюбия ислама и одновременно повод сказать, что от нашей религии исходят покой и стабильность, что ось исламской стабильности в мире реально существует и действует» (Архив Совета муфтиев России).

Знакомство с идеями главных теоретиков и идеологов исламского мира стимулировало в определенной степени активизацию духовной жизни мусульман столицы, оказав заметное влияние на осмысление круга актуальных проблем, стоящих перед мусульманским сообществом страны. Появляются новые научные разработки и самостоятельные исследования, принадлежащие муфтию Равилю Гайнутдину («Ислам в современной России», 2004), ученому Али Вячеславу Полосину («Евангелие глазами мусульманина», 2006), а также молодым богословам – Шамилю Аляутдинову («Путь к вере и совершенству», 2002, «Ответы на ваши вопросы», 2003, «Крик души или кризис духа», 2003), Рустаму Батрову (перевод книги Абу Ханифа Нуамана ибн Сабита (699–767), «Трактаты», 2002 и «Мусульманский пост (Ураза)», 2003), Мустафе Кютюкчю («Намаз через призму размышлений», 2002 и «Пост и благословенный месяц Рамадан», 2002.) Возросло число переводов исламской догматической и богословской мысли: ас-Суйути «Совершенство в коранических науках» (в 5 т.), выполнен коллективом авторов во главе с проф. Д. Фроловым (2001–2005), «Наставление правителям» (2004) и «Исследование сокровенных тайн сердца» (2006) аль-Газали («Издательский дом «Ансар»), «Современные фатвы» Юсуфа аль-Карадави (2005, издательско-переводческий центр «Андалус») и др.

Начиная с 2005 г. проходят ежегодные международные фестивали мусульманского кино «Золотой минбар». Его организаторами стали

Совет муфтиев России, телевидеокомпания «Исламский мир» (Москва) и Исламский культурный центр России. Первый кинофестиваль проводился в Казани в честь 1000-летнего юбилея города. Было представлено 27 игровых и документальных фильмов. По мнению председателя жюри фестиваля, известного кинематографиста Рустама Ибрагимбекова, «это единственный в мире фестиваль, который рассказывает об исламском мире, его цель — поведать о людях, живущих в арабских странах»¹.

Известны лауреаты проводившегося в 2005 г. московским издательством «Умма» совместно с Советом муфтиев России литературного конкурса «Исламский прорыв» по трем номинациям (поэзия, проза, публицистика). Премии были учреждены с целью пробуждения и активизации интереса российской общественности к духовной жизни и культуре ислама.

В условиях диверсификации российского финансового рынка и экономики наблюдается заметный интерес к исламскому банкингу, активно в практической плоскости изучаются возможности внедрения некоторых институтов исламского банковского дела в России, и прежде всего в центре финансовой активности страны — Москве. Озвучиваются планы создания хеджевого фонда для исламских инвесторов, которые избегают вложения денег в алкоголь, табак и ценные бумаги с процентным доходом, обсуждается возможность создания исламской ипотеки. Летом 2006 г. были заключены первые сделки по привлечению российским банком «Глобэкс» кредита исламского Dubai Islamic Bank в рамках шариатского принципа «мурабаха». Действует «Российско-арабский деловой совет» (РАДС), который работает над проектом создания инвестфонда на пари-

¹ Ислам Минбаре. 2005. № 9.

тетных началах. Создан первый в России профессионально ориентированный «Бадр-Форте банк». Можно предположить, что поиск путей выхода на исламские рынки капитала, как и изучение возможностей исламского банкинга, будут продолжаться.

Значительных успехов достигло академическое исламоведение — одна из главных отраслей гуманитарной науки. На отделении исламоведения при Институте стран Азии и Африки по традиции регулярно проходят очень интересные и познавательные конференции молодых исламоведов, что создает условия для глубокого и объективного понимания среди молодежи гуманистической сути ислама.

При том же институте создан Центр исламской истории и культуры, где учатся представители мусульманских и христианских общин страны. Значительный прорыв в смысле усовершенствования методик преподавания и улучшения учебной базы сделан в сфере религиозного образования. Решая проблемы начального и среднего исламского образования, продолжают свою деятельность медресе при Соборной, Мемориальной и Исторической мечетях, а также в Отрадном. В духовно-просветительском комплексе российских традиционных религий в Отрадном, который иногда именуют «новым Иерусалимом», под руководством известного исламоведа Гасыма Керимова действует Университет татаро-мусульманской культуры, где по углубленной программе преподаются специальные религиозные предметы.

Важной составляющей деятельности Московского муфтията является проведение в столице конференций, направленных на углубление внутррелигиозного взаимопонимания и межрелигиозного сотрудничества. Наиболее крупными инициативами мусульман

Москвы в этом направлении стали международные конференции «Цивилизационные аспекты единства мусульманского сообщества» (октябрь 2003 г.), Форум, посвященный 100-летию Московской соборной мечети (май 2004 г.), конференция «Ислам и христианство: на пути к диалогу», посвященная 40-летию принятия декларации *Nostra Aetate* на втором Ватиканском соборе (ноябрь 2005 г.) и международный форум «Ислам и иудаизм: перспективы диалога и сотрудничества» (июнь 2006 г.), а также участие в подготовке и проведении Всемирного саммита религиозных лидеров (июль 2006 г.). Осмыслению проблем евроислама была посвящена работа круглого стола «Европа — Россия — Мусульманский мир: стратегия развития и модели сотрудничества» (август 2005 г.), который был организован Исламским культурным центром России и Европейским мусульманским союзом.

С Москвой связаны все современные новации в сфере книгоиздания и исламской периодической печати. Не первый год продолжается деятельность телерадиоиздательской компании «Исламский мир» (создана в 1997 г.), большую просветительскую работу ведут московские издательства «Андалус», «Бадр», «Умма» и издательский дом «Харун Яхья». С разной периодичностью осуществляется выпуск мусульманских газет «Наши соотечественники — Ватандашлар» (издается с 1999 г. Татарской культурно-национальной автономией), «Современная мысль» (издается с 1999 г. общественной просветительской организацией «Исламский конгресс», в 2004 г. переименованной в «Собрание») и «Все об исламе» (издавалась с 2002 по 2004 г.). Выходят в свет духовно-просветительский журнал «Ислам» (с 2002 г.) и российский журнал исламской доктрины «Минарет» (с 2004 г.). Значительный объем инфор-

Асадуллин Ф.А. *Ислам в Москве*

мации об исламе можно найти на специализированных исламских сайтах — islam.ru, muslim.ru, islamnews.ru и др.

Интересные и увлекательные формы донесения правдивой информации об исламе и жизни мусульманских народов России найдены авторами радиопередач «Исламская волна» и «Саут аль-ислам» («Голос ислама»), которые идут в эфире с начала 90-х годов. По четвергам в эфире на «Радио России» передается культурно-познавательная программа «Ходжа Насреддин. Об исламе и не только». С весны 2002 г. на телеканале «Россия» по пятницам выходит информационно-познавательная передача «Мусульмане».

В столице практически созданы и успешно развиваются мусульманские инфраструктуры по оказанию ритуальных услуг (обряды погребения и обрезания, организация паломничества — большого и малого хаджа) и обеспечению населения широким ассортиментом халяльных продуктов питания, что позволяет верующим мусульманам во всей полноте выполнять предписания своей религии и следовать Сунне пророка. Московскими властями принято решение об открытии в Москве сети татарских халяльных супермаркетов «Бахетле».

Отрадным и обнадеживающим явлением современной жизни мусульманской общины столицы становится активное возрождение традиций меценатства и благотворительности. Сегодня благодаря деятельности фондов «Файда», «Ихлас», «Хадиджа» и «Хиляль» и попечительских советов при каждой московской мечети вносится значительный вклад в развитие мусульманской духовности и просвещения в столице. В Подмосковье каждый год организуется летний отдых для детей-мусульман. Растет также число состоятельных мусульман, благодаря материальной поддержке которых

приводятся в порядок мечети и медресе, налажена деятельность десятков приходов и общин, оказывается конкретная помощь нуждающимся.

Интерес к исламу среди простых москвичей и московской интеллигенции имеет все более осмысленный характер, продиктованный желанием получить собственное представление о религии, о которой так много и по разным поводам рассказывают в СМИ и на телевидении. Этот интерес можно рассматривать как проявление более глобального процесса, охватывающего и Европейский континент. «Общемировой тенденцией является растущая склонность к исламу», — отмечает архиепископ Пражский и чешских земель Христофор¹. Суждения об исламе как мировой религии в комплиментарном ключе из уст главы государства и мэра столицы, предстоятеля Русской православной церкви Алексия II, видных политиков, представителей российской науки и культуры — Е.М. Примакова, М.Б. Пиотровского, Н.С. Михалкова, А.С. Кончаловского, М.Е. Швыдкого, А.А. Проханова — имеют большой общественный резонанс, способствуя укреплению веротерпимости и гражданского согласия. Московская веротерпимость, о которой хорошо знали еще в средневековой Западной Европе, и сегодня благодаря заботе глав традиционных религий и политике московских властей в целом остается одной из главных характеристик общественной жизни столицы. Правонарушения, совершаемые этническими мусульманами или направленные против них и членов их семей, как правило, не имеют религиозную подоплеку, а связаны с характером сосуществования и естественного соперничества разных этниче-

¹ Вестник мирового общественного форума «Диалог цивилизаций». 2004. № 2. Кн. 2. С. 69.

ских групп в условиях мегаполиса, что выливается в межнациональные эксцессы, а порой принимает крайнюю форму – экстремизма и терроризма (например, избиения скинхедами среднеазиатских и турецких гастарбайтеров, нападение в мае 2006 г. на певца Тутова и продюсера Мирзоева, взрыв на Черкизовском рынке в августе 2006 г.). Инциденты на почве религиозной нетерпимости отмечены не в самой столице, а в Подмосковье. Например, в Сергиевом Посаде в октябре 2005 г. во время пятничного богослужения было совершено нападение на молельный дом и были нанесены телесные увечья председателю местной мусульманской общины Арслану Садриеву, в июле 2006 г. неизвестными была взорвана мечеть в подмосковном городе Яхроме.

Сегодня можно констатировать, что «московский ислам» представляет значительный и динамично развивающийся сегмент общественно-религиозной и культурной жизни не только Московского региона, но и всей России. История мусульманской общины Москвы, в которой как в капле воды отражена история российского ислама в целом, показывает его сложную и порой трагическую судьбу. Религия, которой была уготована почетная, фактически официальная роль в начале XIV в., в эпоху Золотой Орды, стала после покорения Казани Иваном Грозным гонимой, позднее, начиная с правления Екатерины II, терпимой и, наконец, уже в наше время вновь обрела статус государственной религии как неотъемлемой части исторического наследия народов России.

Средоточием исламской жизни столицы сегодня является не только Совет муфтиев России, который за короткий исторический срок фактически стал объединяющим российских мусульман религиозным органом, но и

другие общественные, молодежные, национальные и иные организации – Исламский культурный центр России, Ассоциация культурно-просветительских общественных объединений «Собрание», культурно-образовательный фонд «Надежда», посольства арабo-мусульманских государств, расположенные в Москве, различные национальные землячества. Современная Москва – это огромный мегаполис, мусульманская составляющая которого по прогнозам ученых в условиях глобализации будет приобретать все большее значение.

Москва начала XXI в. – самый крупный мусульманский город России, насчитывающий более 1 млн человек, этнически и духовно связанных с исламом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Амиров Р.* Ислам и политика. Беседы об исламе. — М., 2005.
2. *Арапов Ю.* Ислам в Российской Империи. — М., 2001.
3. *Арапов Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (XVIII—начало XX в.). — М., 2004.
4. *Асадуллин Ф.* Москва мусульманская. — М.: Умма, 2004.
5. *Асадуллин Ф.* Главная мечеть России. — М., 2005.
6. *Бартольд В.* Работы по истории ислама и Арабского халифата. — М.: Вост. лит., 2002.
7. *Баруди Г.* Памятная книжка. — Казань: Иман, 2000.
8. *Батунский М.* Россия и ислам: В 3 кн. — М.: Прогресс-Традиция, 2003.
9. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990.
10. *Белокуров С.* Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. — М., 1906.
11. *Балязин В.* На службе у Подмосковья. Жуковский: Кучково поле, 2004.
12. *Бигиев М.* Доказательства Божьей милости (на тат. языке). — Оренбург, 1911.
13. *Векслер В., Мельникова А.* Московские клады. — М.: Московский рабочий, 1973.
14. *Векслер В.* Москва в Москве. — М.: Московский рабочий, 1982.
15. *Вельяминов-Зернов В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. — СПб., 1863–67.
16. *Гайнутдин Р.* Ислам в современной России. — М.: Гранд Фаир, 2004.

17. *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение. — Казань: Татарское книжное издательство, 1993.
18. *Гиляровский В.* Москва и москвичи. — М.: Правда, 1979.
19. *Глушкова В.* Социальный портрет Москвы на пороге XXI в. — М.: Мысль, 1999.
20. *Давлетшин Т.* Советский Татарстан. — Лондон, 1974.
21. *Забелин И.* История города Москвы. — М., 1996.
22. *Загидуллин И.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи. — Казань, 2006.
23. Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье. — Казань: Мастер Лайн, 2002.
24. *Карамзин Н.М.* Предания веков. Сказания из «Истории государства Российского». — М., 1988.
25. *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. — М.; Л., 1950.
26. *Климович Л.* Праздники и посты ислама. — М.: ОГИЗ, 1941.
27. Кто есть кто в татарской общине Москвы. — М.: Арбат, 2001.
28. *Кульпин Э.С.* Золотая Орда. — М.: Московский лицей, 1998.
29. *Ланда Р.Г.* Ислам в современной России. — М.: Наука, 1995.
30. *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. — М.: Московский центр Карнеги, 1998.
31. *Мелентьев Ю.* О Золотом кольце и связи времен. — М.: Книга, 1990.
32. Москва. Народы и религии. — М., 1997.
33. Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации. — М., 1999.
34. *Наумкин В.В.* Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов. — М.: Ком-Книга, 2005.
35. *Панченко К.* Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке. — М., 1998.

36. Подмосковные села: Кунцово и Влахернское. Исследования академика М.И. Броссе в Кунцеве. – М., 1850.
37. *Примаков Е.М.* Мир после 11 сентября. – М., 2002.
38. *Пыляев М.И.* Старая Москва. – М.: Сварог и К, 2001.
39. *Розенберг Л.* Татары в Москве ...// Этнические группы в городах европейской части СССР. – М., 1987.
40. Роль мусульманских организаций в решении социальных проблем. – М., 2000.
41. Россия и Восток. – СПб.: Изд-во СПГУ, 2000.
42. Россия и исламский мир: проблемы, предпосылки и перспективы взаимодействия. – М., 2004.
43. *Садур В.* Татарское население Москвы. 1860–1905 гг.// Этнические группы в городах европейской части СССР. – М., 1987.
44. *Тамарин А.* Мусульмане на Руси. – М., 1917.
45. *Тихомиров М.* Древняя Москва XII – XV вв. – М.: ТЕРРА, 1999.
46. *Флетчер Дж.* О государстве Русском. – СПб., б.г.
47. *Хайретдинов Д.* Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX вв. – Н. Новгород, 2002.
48. *Хакимов Р.* Метаморфозы духа. – Казань: Идел-Пресс, 2005.
49. *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства. – М.: Инсан, 1991.
50. *Bukhari Zahid.* Muslims' Place in the American Public Square. Altamira press. 2004.
51. *Ramadan Tariq.* To be European muslim. The Islamic Foundation, 1999.
52. *Mestiri Muhamed.* Penser la modernite et l'islam. Paris, IIIТ France. 2005.

ПЕРИОДИКА

«Все об исламе».

Вестник Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций».

«Восток».

Библиография

122

«Все об исламе»

«Известия».

«Ислам Минбаре».

«Медина».

«Минарет».

«Московский комсомолец».

«НГ – Религии».

«Современная мысль».

«Сюз» («Слово»)

«Татарские новости».

ОБ АВТОРЕ

АСАДУЛЛИН Фарид Абдуллович – заведующий отделом науки и связей с госслужбами Российской Федерации Московского муфтията (Духовного управления мусульман европейской части России), сопредседатель Информационно-аналитического центра Совета муфтиев России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, действительный член Международной академии духовного единства народов мира. В 1978 г. окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Работал в Йемене (1976) и Ливии (1978–1979). Стажировался в университете «Аль-Азхар» (1993), обучался в Дипломатической академии МИД Российской Федерации (1994–1995).

Автор книг и монографий: «История Ливии в Новое и Новейшее время» (1992, в соавторстве), «Очерк истории ливийской литературы» (1993), «Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации» (1999), «Москва мусульманская» (2004; книга переведена на арабский язык в Саудовской Аравии), «Главная мечеть России» (2005).

Имеет государственные награды.

Программа “Межрегиональные исследования в общественных науках” была инициирована Министерством образования РФ, “ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)” и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. “ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)” осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231
Электронная почта: info@ino-center.ru,
Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона, и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки “развития и распространения знаний и понимания”. Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна “творить реальное и прочное добро в этом мире”.

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.